БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 6 ІЮНЬ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Неизданныя стихотворенія **Т. Г. Шевченко** I. Поэма «Еретикъ» 1
2. Въ Шлиссельбургской крѣпости. Первые шаги. **М. В. Новорусскаго** 6
3. Возникновеніе и паденіе Дурноселовки *(Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ движеній 80-хъ годовъ).* **С. А. Иванова** 33
4. Тайное общество братьевъ Критскихъ **М. К. Лемке.** 41
5. Карійская трагедія *(Изъ воспоминаній).* **Г. Ф. Осмоловскаго** 59
6. Питомецъ воспитательнаго дома. Автобіографія **В. Герасимова** 81
7. Къ дѣлу Фомы Кочуры. 102
8. Далекое и Недавнее. Воспоминанія изъ жизни революціонеровъ 1878—1881 г. **О. С. Любатовичъ.** Окончаніе 108
9. Въ неволѣ. Воспоминанія. **И. С. Джабадари.** Окончаніе 157
10. Убійство имп. Павла. Неизданная страничка изъ записокъ **Рунича** 178
11. Автобіографія **П. М. Драгоманова** 182
12. Хаимъ Гершковичъ. Матеріалы для біографіи. . . 214
13. Нѣкоторыя данныя о «Письмѣ Исп. Комитета къ Александру III». **А. П. Прибылевой-Корба.** . . . 234
14. Отчетъ о процессѣ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г. 237
15. Дополнительныя свѣдѣнія о процессѣ 20-ти. **М. Ф. Фроленко** 296
16. Историческая библіографія. *(Сочиненія Пушкина. Томъ второй. Изданіе Академіи Наукъ).* **Н. Лернера.** 301

17. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію . 308
18. Современная лѣтопись 310
19. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки**. *Дѣло Я. А. Ушакова (1863)—30; Къ дѣлу И. Н. Мышкина—58; Эпиграммы Пушкина на Карамзина—155; Казнь С. В. Балмашева—233; По поводу объявленія Исполн. Комитета Р. С.-Р. партіи.* 294
20. Объявленія 328

Въ этой книгѣ помѣщены портреты Н. К. Сигида, М. П. Ковалевскій, Т. И. Лебедевой, Геси Гельфманъ, Хаима Гершковича, С. В. Балмашева (въ офицерской формѣ) и факсимиле объявленія Испол. Комитета Р. С.-Р. партіи.

Далекое и Недавнее.

(Окончаніе)

III.

Пріѣздъ мой и Стефановича въ Петербургъ. Черезъ сутки мы, т. е. я и Стефановичъ, были уже въ Петербургѣ и безъ труда разыскали товарищей, которые почти всѣ въ это лѣтнее время (конецъ іюня 1879 г.) проживали въ Лѣсномъ. Однако, въ моментъ нашего пріѣзда они почти всѣ были въ провинціи. На квартирѣ въ Лѣсномъ мы застали тогда только Софью Иванову, осужденную по дѣлу демонстраціи 6-го декабря и бѣжавшую недавно изъ Архангельской губерніи. Она передала мнѣ запечатанный конвертъ, оставленный для меня Морозовымъ; въ конвертѣ была записка, гдѣ говорилось безъ объясненій: «Если пріѣдешь до 17-го іюня, то поѣзжай сейчасъ же въ Липецкъ и жди въ такіе-то часы въ паркѣ; если пріѣдешь послѣ 17-го и до 24, то поѣзжай въ Воронежъ и жди тамъ-то». Я опоздала, кажется, однимъ днемъ, пріѣхала 24-го и не могла попасть не только въ Липецкъ, но и въ Воронежъ. Пришлось остаться въ Лѣсномъ, гдѣ для меня, неподалеку отъ квартиры Софьи Ивановой и Квятковскаго, была нанята комната. Стефановичъ у кого-то остановился и вскорѣ нанялъ себѣ комнату также въ Лѣсномъ. Дня черезъ два-три стали съѣзжаться всѣ бывшіе на съѣздахъ.

Пріѣздъ участниковъ Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ и другихъ въ Петербургъ. Пріѣхали Квятковскій, Морозовъ, Желябовъ, Алекс. Михайловъ, Фроленко, Ширяевъ, Баранниковъ, Ошанина и другіе. Лѣсной оживился.

Ф. Юрковскій («Сашка-инженеръ»). Скоро пріѣхали также Поповъ (Родіонычъ), Щедринъ, Е. Ковальская и другіе, а черезъ нѣкоторое время и Юрковскій, устроившій незадолго дѣло Херсонскаго казначейства, независимо отъ организаціи «Земли и Воли», къ которой онъ и не принадлежалъ. Узнавъ о грандіозномъ захватѣ денегъ компаніей Юрковскаго и объ ихъ критическомъ положеніи, Зунделевичъ спѣшно поѣхалъ на югъ, въ надеждѣ помочь имъ укрыться, но тѣ колебались выпустить изъ своихъ рукъ деньги; а на утро Алешки, такъ называлось мѣстечко, гдѣ они укрылись, были оцѣплены войсками: деньги всѣ были захвачены; Юрковскій едва-едва успѣлъ спастись самъ и привезъ въ Петербургъ только одну десятирублевку изъ денегъ, взятыхъ

въ Херсонскомъ казначействѣ, которую долго хранили потомъ какъ достопримѣчательность. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Юрковскій посѣщалъ очень многихъ и разъ чуть было не попался въ руки полиціи, за то, что вскочилъ на ходу въ поѣздъ, проходившій изъ Удѣльной въ Лѣсной; онъ отдѣлался дешево, благодаря бывшимъ при немъ документамъ, но почему-то скоро уѣхалъ и затѣмъ былъ арестованъ. Юрковскій былъ человѣкъ очень оригинальный и крупный по энергіи, но у него былъ одинъ недостатокъ—онъ пилъ; это такъ рѣдко наблюдалось въ революціонной средѣ, что нельзя его не отмѣтить, какъ исключеніе.

Окончательное распаденіе «Земли и Воли». По пріѣздѣ вышеназванныхъ лицъ, въ Лѣсномъ подъ открытымъ небомъ нѣсколько разъ собирались члены вновь сформировавшагося на Липецкомъ съѣздѣ Исполнительнаго Комитета отдѣльно, и отколовшіеся члены былой организаціи «Земли и Воли» отдѣльно. Стефановичъ велъ очень дѣятельные переговоры между тѣми и другими, и многіе надѣялись, что онъ поможетъ сплоченію и предотвратитъ готовящійся расколъ, но надежды эти не оправдались; напротивъ, нѣкоторые обвиняли даже, что Стефановичъ подлилъ масла въ огонь, ускорилъ окончательный разрывъ. Когда послѣ другихъ въ Петербургъ пріѣхала С. Перовская, страстно желавшая повліять примирительно, то уже было совсѣмъ поздно; разрывъ совершился окончательно, и вчерашніе товарищи стали сторониться другъ друга, какъ чужіе. Каждая партія пошла своей дорогой. Стефановичъ сдѣлался главою мертворожденной организаціи «Чернаго Передѣла», съ нимъ остались и его друзья—Вѣра Засуличъ и Дейчъ; я примкнула, естественно, къ Липецкимъ товарищамъ, которые даже заочно были въ этомъ увѣрены, приглашая меня на Липецкій съѣздъ. Но и Перовская, по принципу еще горячая народница, не примкнула къ «Черному Передѣлу», она пошла съ тѣми, кто обнажилъ мечъ на защиту народа и его апостоловъ. Къ нимъ же, т. е. къ Исполнительному Комитету «Народной Воли», примкнула и Вѣра Фигнеръ (Филиппова), другая горячая народница, только что работавшая въ одномъ изъ поселеній «деревенщиковъ», созданныхъ первымъ составомъ организаціи «Земли и Воли» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, а также Якимова и Софья Иванова.

«Черный Передѣлъ». Разрывъ «Чернаго Передѣла» съ Исполнительнымъ Комитетомъ «Народной Воли» можно объяснить въ общемъ не столько принципами, сколько темпераментами. Такъ, хотя большинство примкнувшихъ къ «Черному Передѣлу» старыхъ членовъ «Земли и Воли» занималось почти исключительно культурной мирной дѣятельностью, въ программу этой организаціи входило всетаки и бунтарство, или—какъ раньше называли на сѣверѣ—вспышко-пускательство; слѣдовательно, въ идеѣ насиліе имъ не было чуждо. Мало того, люди, примкнувшіе къ «Черному Передѣлу», не только оправдывали насильственныя дѣйствія по отношенію къ властямъ, но—чего народовольцы не допускали—

обманъ по отношенію къ массамъ, вовлекаемымъ въ бунтъ. Конечно, люди такихъ взглядовъ не должны были бы возмущаться систематической борьбой съ правительствомъ и цареубійствомъ, какъ насиліемъ. И сама ссылка на то, что цареубійство обостряетъ реакцію тоже не существенна; вѣдь землевольцы и ихъ преемники, чернопередѣльцы, не боялись же обострить реакцію, ставя въ программу мелкіе бунты, хотя она въ этихъ случаяхъ неизбѣжна именно въ народѣ, тогда какъ цареубійство отражается главнымъ образомъ въ городахъ. Этотъ общій недостатокъ идейнаго оправданія раскола, созданнаго «Чернымъ Передѣломъ», чувствовали даже лица, оставшіяся въ его рядахъ; такъ Іос. Аптекманъ тогда же въ своемъ открытомъ письмѣ прямо указывалъ на это и увѣщевалъ товарищей объединиться вновь. Черезъ два года самъ Стефановичъ созналъ свою ошибку, но было поздно; «Народная Воля» потеряла тогда лучшія, самыя крупныя и опытныя силы свои; «Черный Передѣлъ» былъ безсиленъ влить новую жизнь въ остатки когда-то мощной организаціи Исполнительнаго Комитета «Народной Воли», ему самому недоставало этой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ 1879 и началѣ 1880 г. «Черный Передѣлъ» не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ своей дѣятельности въ народѣ, потому что такая дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ была невозможна, и раньше онъ не прибавилъ многаго къ тѣмъ сѣменамъ революціоннаго соціализма въ рабочей средѣ, которыя заложены были дѣятелями процессовъ 50-ти, 193-хъ, Долгушина и другихъ болѣе мелкихъ, а отчасти даже народовольцами. Типографія «Земли и Воли», которую съ такою любовью помогалъ устраивать Сергѣй Кравчинскій и которая содержалась такой опытной и преданной дѣлу хозяйкой, какъ М. К. Крылова, типографія, цѣлый годъ изумлявшая всю Россію свободнымъ выходомъ подпольной «Земли и Воли» въ самомъ Петербургѣ,— уступленная «Черному Передѣлу», очень скоро погибла въ его рукахъ, и послѣ ряда различныхъ неудачъ, Стефановичъ, Дейчъ, Плехановъ и Вѣра Засуличъ уѣхали обратно за границу.

Организація «Чернаго Передѣла», объясняя свои неудачи, жаловалась на «Народную Волю», парализовавшую, будто бы, ея дѣятельность; напротивъ, единоборство «Народной Воли» съ правительствомъ, приковывая къ себѣ всѣ взоры, явилось какъ бы прикрытіемъ для чернопередѣльцевъ. Сравнивая «Черный Передѣлъ» съ «Народной Волей», правительство стало считать его въ то время совсѣмъ мирной партіей и слабѣе преслѣдовало ее, и она погибла скорѣе отъ собственнаго истощенія, тогда какъ народовольцы погибли всѣ, что называется, съ оружіемъ въ рукахъ, въ послѣднихъ схваткахъ съ правительствомъ. Перекочевавъ за границу, нѣкоторые крупные представители «Чернаго Передѣла»— какъ Плехановъ, Дейчъ и другіе—выступили тамъ въ качествѣ марксистовъ и соціалъ-демократовъ и, оставаясь на свободѣ, довольно дѣятельно вели книжную пропаганду въ Россіи.

Постановленіе приговора Александру II. Лѣтомъ 1879 года

прошелъ мѣсяцъ и даже больше въ безплодныхъ переговорахъ съ зарождавшимся «Чернымъ Передѣломъ» въ надеждѣ возсоединить вновь распавшуюся организацію «Земли и Воли». Эти переговоры не мѣшали однако Исполнительному Комитету «Народной Воли» идти своей дорогой. Такъ, на одномъ изъ собраній Исполнительнаго Комитета, происходившемъ подъ открытымъ небомъ въ Лѣсномъ, и гдѣ присутствовалъ между прочимъ пріѣхавшій на одинъ, на два дня въ Петербургъ Гольденбергъ, и о которомъ онъ почему-то умалчиваетъ въ своихъ показаніяхъ, былъ поставленъ вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать намѣченныя предпріятія противъ генералъ-губернаторовъ, или же сосредоточить всѣ силы на одномъ лицѣ государя? Рѣшено было всѣ удары направить на послѣдняго... Эту задачу фактически и осуществляли вплоть до 1-го марта 1881 г.

Когда это рѣшеніе состоялось, большинство стало разъѣзжаться на дѣло, посвятивъ предварительно нѣсколько дней на обсужденіе основныхъ положеній программы Исполнительнаго Комитета. Къ сожалѣнію, у собравшихся не было достаточно свободнаго времени, чтобы окончательно закончить и оформить эту программу, хотя всѣ понимали, что программа—знамя, и что только она одна на смѣну погибавшихъ можетъ собрать новыхъ борцовъ. Но силъ было еще такъ много, практическія задачи такъ настоятельны и, наконецъ, сама программа была уже достаточно намѣчена на Липецкомъ съѣздѣ, что никто не думалъ, что обстоятельства такъ скоро измѣнятъ ее. Кромѣ того всѣ еще были подъ впечатлѣніемъ недавняго раскола въ «Землѣ и Волѣ» и рады были тѣсному единенію на практической задачѣ, которая требовала такихъ богатырскихъ усилій, что немногіе задумывались о будущемъ, о необходимости заранѣе крѣпко поставить свое знамя, чтобы оно, какъ маякъ, свѣтило будущимъ поколѣніямъ.

Петербургъ понемногу пустѣлъ: уѣхалъ Ширяевъ, уѣхалъ Баранниковъ, уѣхалъ Желябовъ, Перовская и другіе, кто въ Москву, кто на югъ для выполненія той задачи, которая поставлена была послѣднимъ рѣшающимъ собраніемъ въ Лѣсномъ. Въ Петербургѣ остались тѣ, кто былъ занятъ литературнымъ, типографскимъ или динамитнымъ дѣломъ.

Редакція газеты «Народная Воля». Морозовъ, счастливый тѣмъ, что ему вмѣстѣ съ Михайловымъ и другими удалось провести на Липецкомъ съѣздѣ болѣе активную программу дѣйствій, весь отдался широкимъ замысламъ и работалъ съ изумительной энергіей. Каждый день съ утра онъ спѣшилъ въ Петербургъ, цѣлыми днями бѣгалъ по городу и, какъ редакторъ будущей «Народной Воли», собиралъ рукописи, матеріалы для хроники и разные другіе необходимые для газеты документы, помогая вмѣстѣ съ Квятковскимъ устраивать новую типографію, (старая была уступлена «Черному Передѣлу»), только что привезенную Зундеелевичемъ изъ-за границы. Нужно замѣтить, что первые номера

«Народной Воли», отличавшіеся замѣчательнымъ разнообразіемъ и оригинальностью содержанія, обязаны этимъ достоинствомъ главнымъ образомъ Морозову, его неутомимому труду редактора, труду, который поглощалъ почти все его время и мѣшалъ собственной литературной работѣ. Трудъ пріема и редактированія рукописей весь почти лежалъ на немъ, и только въ отсутствіи его, во второй половинѣ ноября 1879 года, рукописи собирали другіе.

Левъ Тихомировъ. Другой редакторъ «Народной Воли», Левъ Тихомировъ, недавно вернувшійся въ Петербургъ, былъ тяжелъ на подъемъ и предпочиталъ отдавать свое время только кабинетной работѣ, выглаживая свою первую передовую статью и нѣсколько разъ переиначивая ее, послѣ очень тщательной фильтровки по указанію Морозова и другихъ товарищей, что ему было, конечно, и непріятно и тяжело. Нужно сказать, что хотя Тихомировъ обладалъ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ, теоретическіе взгляды его были очень шатки,—они не имѣли ярко опредѣленной чеканки. Онъ искалъ всегда вдохновенія извнѣ, но, какъ человѣкъ самолюбивый, искалъ этого вдохновенія не въ той сферѣ, гдѣ онъ вращался ежедневно,—хорошо понимая, что такая идейная неустойчивость могла повредить его престижу,—но тамъ, гдѣ онъ былъ гостемъ.

Вообще въ нашей средѣ Тихомировъ уклонялся формулировать свои взгляды. Разъ помню однако,—это было у Ошаниной, примыкавшей раньше къ якобинствующему кружку набатовцевъ («Набатъ» издавался нечаевцемъ Ткачевымъ за границей), но по выходѣ замужъ за Баранникова (подъ именемъ Кошурникова) примкнувшей на Липецкомъ съѣздѣ къ нарождавшейся «Народной Волѣ»,—Тихомировъ сидѣлъ у нея и кого-то ждалъ; у меня тоже было тамъ дѣло. Завязался разговоръ, говорили о народѣ, о террорѣ, о революціонныхъ перспективахъ вообще. Тихомировъ, помню, былъ почему-то необычно сообщителенъ въ этотъ день и сказалъ въ разговорѣ: «Я не вѣрю вообще въ успѣхъ революціоннаго дѣла».—«Почему же въ такомъ случаѣ вы работаете въ революціонномъ кругу?» спросила я. «А потому, что въ немъ мои старые товарищи», былъ отвѣтъ. Въ нашей средѣ Л. Тихомирова звали старикомъ. И въ самомъ дѣлѣ этотъ худой, съ бритымъ, ради конспираціи, по департаментски подбородкомъ и англійскими баками человѣкъ, съ маленькими выцвѣтшими сѣрыми глазами и полинялыми жидкими волосами, казался старикомъ, хотя ему врядъ ли было за тридцать и, глядя на него въ эту минуту, мнѣ было безконечно его жаль съ его опустѣлой душой. Впослѣдствіи, когда я коротала дни въ безсрочной ссылкѣ на берегахъ Лены, по Сибири разнесся слухъ, что Тихомировъ просилъ пощады у правительства и вернулся въ Россію съ семьей. Я знала, что онъ не лгалъ ради самосохраненія; я знала, что онъ давно молчаливо носилъ нравственную смерть въ своей душѣ, но я знала также, что если онъ купилъ себѣ свободу цѣною своего личнаго достоя-

нія, цѣною своего имени, то ввѣренныя его чести свобода и жизнь товарищей не войдутъ въ эту цѣну, не пострадаютъ; я знала, что Тихомировъ не можетъ быть ни Гольденбергомъ, ни Дегаевымъ, и не ошиблась; а сколькихъ могъ бы онъ вернуть изъ административной ссылки если не на эшафотъ, какъ Дегаевъ вернулъ барона Штромберга, то въ каторжную тюрьму!.. Исторія всетаки это должна знать, помнить и быть справедливой... Горше доли, какъ доля Тихомирова, придумать трудно!..

Андрей Желябовъ. Совсѣмъ другой типъ представлялъ собою Желябовъ. Это былъ характеръ и характеръ сильный. Встрѣча моя съ нимъ въ Лѣсномъ и Петербургѣ была не первой встрѣчей; я знала его еще въ 1875 году въ Одессѣ, гдѣ онъ жилъ тогда, отпущенный на поруки послѣ дознанія по дѣлу, получившему впослѣдствіи наименованіе процесса 193-хъ. Мы встрѣчались тогда изрѣдка—за нимъ могли слѣдить—и обмѣнивались подпольной литературой; иногда онъ заглядывалъ въ переплетную Эйтнера, гдѣ я одно время жила, и гдѣ собирались иногда члены южно-русскаго рабочаго союза (Заславскаго). Но все это было урывками. Теперь (лѣтомъ 79 г.) я встрѣтилась съ нимъ уже не мелькомъ, а какъ товарищъ по организаціи, котораго мнѣ такъ восторженно рекомендовали многіе. Дѣйствительно, Желябовъ словно выросъ за это время отдыха; въ самомъ дѣлѣ, онъ возмужалъ и умственно и физически. Это былъ высокій, стройный брюнетъ съ блѣднымъ лицомъ, прекрасной окладистой темной бородой, большимъ лбомъ и выразительными глазами, Рѣчь его была горяча и порывиста, голосъ пріятный и сильный; въ немъ были всѣ задатки народнаго трибуна, но въ немъ не чувствовалось той глубины проникновенія въ душу человѣческую, какая присуща была въ такой высокой мѣрѣ Сергѣю Кравчинскому и Валерьяну Осинскому; можетъ быть, ему не доставало этого потому, что въ то время Желябовъ еще мало страдалъ, но и его страданія были близки, очень близки; и ему пришлось ихъ выпить полную чашу до дна. Въ описываемую же минуту все существо его было проникнуто какимъ-то радостнымъ свѣтомъ и великой надеждой. Его возмущалъ разрывъ чернопередѣльцевъ, ссылавшихся на то, что террористическая борьба съ правительствомъ, принятая, какъ система, на Липецкомъ съѣздѣ, повредитъ, будто бы, дѣятельности въ народѣ. «Я покажу имъ, что они просто не хотятъ дѣйствовать; я покажу, что «Народная Воля», занятая борьбой съ правительствомъ, будетъ работать и въ народѣ». И дѣйствительно, Желябовъ съумѣлъ организовать рабочія боевыя дружины даже въ такое время, когда большая доля его энергіи была посвящена захватывающей борьбѣ съ правительствомъ. Но на это нужна была именно его энергія, а такая энергія присуща очень немногимъ.

Такой же непоколебимой вѣрой и любовью къ простому люду была проникнута и Перовская.

С. Перовская, какъ террористка. Еще вся потрясенная без-

плодными усиліями, потраченными на сношенія съ заключенными Центральной харьковской тюрьмы, гдѣ томились ея товарищи, и въ ихъ числѣ обоготворяемый ею сынъ народа и крупный ораторъ Мышкинъ, безсильная вырвать ихъ на свободу, разобщенная полицейскими насиліями съ народомъ, которому она отдала всю душу, которому несла мирное слово свободы и правды, она вся отдалась теперь борьбѣ, предпринятой ея товарищами противъ государя, какъ верховнаго вершителя невзгодъ всей Россіи. Когда Желябовъ отправился для этой цѣли на югъ, она первая предложила себя въ хозяйки домика на полотнѣ желѣзной дороги въ Москвѣ, гдѣ во второй половинѣ ноября 1879 г. ожидался пріѣздъ государя, и безтрепетной рукой дала сигналъ сомкнуть электрическую цѣпь. Вернувшись черезъ нѣсколько дней въ Петербургъ, прямо съ вокзала она пришла, помню, на одну изъ конспиративныхъ квартиръ партіи. Въ эту минуту тамъ были я, Геся Гельфманъ, осужденная по процессу 50 и только что бѣжавшая изъ ссылки, и Грачевскій, принадлежавшій къ организаціи лицъ, судившихся по процессу 50-ти, но осужденный по процессу 193-хъ и также недавно бѣжавшій изъ ссылки. Перовская была вообще крайне сдержанна, но когда она осталась одна съ нами женщинами, она вся взволнованная торопливо, прерывающимся голосомъ, стоя съ намыленными руками передъ умывальникомъ, стала разсказывать, какъ она изъ-за мелкой заросли высматривала поѣздъ; она говорила также, что динамита оказалось мало, такъ какъ очень много ушло на предпріятіе на югѣ и сожалѣла, что не сосредоточили его въ Москвѣ. Когда она говорила все это, ея лицо дышало глубокимъ страданіемъ, и она вся дрожала, то ли отъ холода, охватывавшаго ея обнаженныя мокрыя руки или отъ тяжелаго чувства неудачи и долго сдерживаемаго волненія, и мнѣ нечѣмъ было утѣшить ее. Я чувствовала также, что эта неудача возьметъ не мало жертвъ изъ нашей среды, и не ошиблась.

Арестъ Квятковскаго. На другой день послѣ описанной встрѣчи, утромъ къ намъ, т. е. на квартиру, которую я занимала съ Морозовымъ (на Знаменской площади), приходитъ С. Перовская и торопливо сообщаетъ, что сейчасъ бѣжитъ предупредить Квятковскаго, такъ какъ узнала, что у него сегодня будетъ обыскъ,— а можетъ быть и былъ уже,—съ грустью прибавляетъ она. Я вызвалась сама пойти вмѣсто нея, но она упорствовала, и Морозовъ сказалъ, что онъ сейчасъ сбѣгаетъ къ М. Н. Ошаниной, жившей тутъ же близко на Николаевской и тогда еще ни въ чемъ раньше не привлекавшейся и незапятнанной передъ жандармами, и пошлетъ ее къ Квятковскому. Пока Морозовъ ходилъ къ ней, мы съ Перовской остались дома; мы обѣ волновались, разговоръ не клеился. Квятковскій былъ однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ и дѣятельныхъ товарищей нашихъ, это была бы очень крупная незамѣнимая потеря для дѣла. Сгорая нетерпѣніемъ и зная, что каждая секунда грозитъ гибелью не одному Квятковскому, но

многимъ, я молча надѣла шляпу и сказавъ Перовской, что иду къ Квятковскому и быстро вышла, не позволивъ ей остановить меня. Я поручила ей только сказать Морозову, чтобы онъ на всякій случай очистилъ нашу квартиру отъ всего нелегальнаго и самъ ушелъ бы изъ нея.

Засада въ квартирѣ Квятковскаго и мой арестъ въ ней. Когда я вошла на лѣстницу дома, гдѣ жилъ Квятковскій, я тщательно оглядѣлась кругомъ, но ничего подозрительнаго не нашла; со двора знака не было видно, но сильно замерзшія стекла мѣшали его разглядѣть. Я позвонила, дверь слишкомъ поспѣшно отперли — передо мной стояла осанистая фигура старшаго городового «Я, кажется, ошиблась,—проговорила я,—мнѣ сказали, что здѣсь живетъ портниха».—«Нѣтъ, сударыня, портниха живетъ не здѣсь, а напротивъ; заходите, заходите»,—настойчиво приглашалъ онъ. Я увѣряла, что я ошиблась, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего, но городовой стоялъ на своемъ; пришлось повиноваться. Онъ ввелъ меня въ комнату занимавшуюся Евгеніей Фигнеръ; комната эта представляла полную картину погрома; все было перевернуто вверхъ дномъ; на кровати валялись частью связанныя, частью разбросанныя кипы послѣдняго (2-го) номера «Народной Воли». Въ квартирѣ, ни Евгеніи Фигнеръ, ни Квяковскаго уже не было, только на звукъ моего голоса изъ двери кухни выглянуло миловидное молодое лицо прислуги Квятковскаго, простой деревенской придурковатой, но очень хорошей бабенки. Городовой грубо толкнулъ ее назадъ въ кухню и тѣмъ, быть можетъ, избавилъ меня отъ немедленнаго признанія ею за хорошую знакомую ея хозяевъ. Проходя мимо открытой двери пріемной, куда въ первую минуту хотѣлъ было ввести меня городовой, а потомъ раздумалъ, я увидѣла, что въ ней и въ прилегавшемъ кабинетѣ Квятковскаго все также было перерыто; кое гдѣ валялись какіе-то мѣдные цилиндры, свертки проволоки и прочее, а также много кипъ того же номера «Народной Воли». Нѣсколько минутъ я послушно сидѣла въ комнатѣ Фигнеръ, чтобы не раздражать городового, потомъ я стала жалобно просить его отпустить меня домой, иначе мужъ мой очень-де разсердится и, пожалуй, побьетъ меня. Городовой скоро смилостивился и повелъ меня, но не домой, а въ участокъ. Когда мы спускались съ лѣстницы, на нее поднималась Ошанина. Я безмолвно пропустила ее мимо, не здороваясь, и только проводила ее взглядомъ, когда она подымалась по лѣстницѣ выше квартиры Квятковскаго; очевидно, видя меня въ обществѣ городового, она поняла все и не зашла къ Квятковскому, и, слѣдовательно, поспѣшитъ сейчасъ же предупредить Морозова и другихъ товарищей. Это придало мнѣ новыя силы. Я рѣшила подольше поводить полицію, прежде, чѣмъ указать свою квартиру, гдѣ я знала, ничего уже не найдутъ и, можетъ быть, освободятъ меня. Въ участкѣ, куда меня привелъ городовой, я сдѣлала видъ, что до того взволнована, что ничего не въ силахъ понимать, ни куда идти. Околоточный рѣзко обошелся со мною,

*

но далъ часъ времени одуматься и сказать свой адресъ. Я осталась въ холодной пустой канцеляріи и, забившись въ уголъ деревяннаго дивана, дѣйствительно думала свою тяжелую думу. Мнѣ было тяжело потерять свободу, купленную такой дорогой цѣной, и потерять такъ случайно не на прямомъ дѣлѣ; я не хотѣла мириться съ этимъ. Меня сильно заботила также мысль о Морозовѣ, которому я моей торопливостью причинила, конечно, большое горе. Но я ни минуты не могла допустить, чтобы этотъ человѣкъ, только что рисковавшій своей головой, работая въ Московскомъ подкопѣ, остался цѣлый день дожидаться меня въ нашей квартирѣ, зная куда я ушла, зная, наконецъ, отъ Ошаниной, что я арестована. Но все же, хотя прошло часа три съ моего выхода изъ дому, я медлила указать адресъ и когда околоточный, по истеченіи часа, пришелъ ко мнѣ съ угрозами сейчасъ же заточить въ Петропавловскую крѣпость, я указала адресъ, но не свой, а первый пришедшій на умъ, совсѣмъ въ другой части города. Меня повезли сначала въ эту новую часть и откомандировавъ новый составъ полицейскаго конвоя, на что потребовалось время, доставили, наконецъ, къ указанному мною дому. Въ названной мною квартирѣ на мое счастье проживалъ, оказывается, какой-то генералъ, хотя адресъ, данный мною былъ совершенно вымышленный. Полиція замялась, а я съ своей стороны стала умолять не безпокоить, говорила, что изъ страха къ мужу, я обманула ихъ и разыграла передъ моими провожатыми сцену тяжелаго нервнаго припадка. Околоточный растерялся и повезъ меня обратно въ часть, гдѣ снова я получила отсрочку для отдыха съ формальнымъ приказаніемъ быть готовой къ 6-ти часамъ вечера, чтобы въ послѣдній разъ ѣхать со мной на квартиру или же прямо въ тюрьму.

И въ самомъ дѣлѣ я нуждалась въ отдыхѣ; вся эта комедія, розыгрываемая цѣлый день подъ гнетомъ тяжелыхъ думъ о погибшихъ товарищахъ, о горѣ тѣхъ, кто еще остался свободенъ, все это такъ истомило меня физически, что я едва волочила ноги. Но мнѣ предстояла еще послѣдняя и самая рѣшительная схватка. Когда пробило 6 часовъ вечера, т. е., когда прошло по меньшей мѣрѣ часовъ 7 съ момента моего ареста, я, наконецъ, сообщила адресъ дома, гдѣ жила, сказавъ, что номеръ квартиры и фамилію сообщу, когда подъѣдемъ къ дому, такъ какъ мнѣ не хочется, чтобы предупредили мужа раньше, чѣмъ онъ самъ меня увидитъ. Околоточный согласился. Мы ѣхали почти цѣлый часъ изъ Измайловскаго полка, гдѣ мы были, въ Александроневскую часть; тутъ опять прошло нѣкоторое время, пока назначили новый штатъ полицейскихъ конвойныхъ и, наконецъ, мы подъѣхали къ дому, гдѣ я жила. Взглянувъ на окна, вижу, что знака нѣтъ; слѣдовательно квартира очищена, но я съ тяжелымъ чувствомъ подымалась на лѣстницу. Околоточный торопитъ, «гдѣ же, гдѣ?» спрашиваетъ онъ. Вотъ мы, наконецъ, передъ нашей дверью, я позвонила; дверь сейчасъ же отворилась, и на порогѣ я, къ ужасу моему, вижу Моро-

зова. Я чуть не упала, но мгновенно собрала послѣднія силы, овладѣла собой, бросилась къ нему, какъ взволнованная жена, и стала просить его не сердиться за мое позднее возвращеніе въ такомъ обществѣ, объясняя, что я надѣялась упросить полицію отпустить меня, и потому долго не возвращалась. Морозовъ также очень хорошо сыгралъ свою роль, взволнованно спрашивая:

«Какъ же это ты, что съ тобой случилось, гдѣ ты была?»

«Вашу жену арестовали на квартирѣ московскихъ взрывателей—заявилъ ему околоточный—и вы извините, насъ конечно; намъ придется сдѣлать у васъ обыскъ».

«Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Морозовъ и ввелъ въ квартиру,—но это невѣроятно, какъ могло это случиться», какъ бы про себя твердилъ онъ.

Я объясняла ему, что ошиблась дверью къ портнихѣ. Морозовъ шепнулъ мнѣ:

«Не безпокойся, я былъ предупрежденъ Ошаниной и нарочно остался.» Начался обыскъ; все тщательно перерыли въ обѣихъ нашихъ комнатахъ, но, конечно, ничего не нашли. Закончивъ обыскъ они сказали Морозову: «Прислуга ваша свободна и можетъ выходить куда угодно, но васъ и супругу вашу мы должны подвергнуть домашнему аресту, пока выяснится, какъ попала она туда, гдѣ ее арестовали».

Морозовъ заявилъ, что ему выходить пока нѣтъ надобности, и полиція ушла, оставивъ для охраны одного городового въ нашемъ корридорѣ.

Побѣгъ мой и Морозова изъ-подъ домашняго ареста. Въ комнатахъ мы были одни и стали спѣшно совѣтоваться, какъ бы вырваться изъ этого опаснаго плѣна. Планъ сейчасъ же былъ найденъ. Мы позвали къ себѣ хозяйку, отъ которой нанимали комнату, и попросили ее позвать въ кухню городового и напоить его чаемъ. Соблазнъ для городового, только что пришедшаго съ холоду, былъ великъ, и послѣ минутнаго колебанія онъ послѣдовалъ за хозяйкой, а мы подъ шумъ звяканья посуды и нѣкоторой суеты, поднятой гостепріимной хозяйкой, накинули лѣтнія пальто и, тихо отперевъ дверь, поспѣшно спустились по лѣстницѣ во дворъ, проскользнули мимо дворника, какъ прислуга выбѣгающая въ лавочку, и очутились на улицѣ. Покруживъ по Гончарной и Невскому, мы выбрались на Пески, а оттуда уже на извозчикѣ на Николаевскую въ квартиру М. Н. Ошаниной.

Николай Саблинъ. Велико было изумленіе всѣхъ, кого мы тамъ застали. М. Н. Ошанина бросилась ко мнѣ и спросила: «Какъ, вы свободны, неужели и Квятковскій свободенъ?».. Мнѣ пришлось разочаровать ее; я описала картину погрома квартиры Квятковскаго и наскоро разсказала дальнѣйшую исторію дня, мою одиссею по участкамъ, самоотверженный поступокъ Морозова и наше спасеніе. Этотъ разсказъ, прислонившись спиною къ камину, молча слушалъ Саблинъ, старый товарищъ Морозова еще съ эпохи пропаганды въ народѣ и обладавшій, какъ и Морозовъ, крупнымъ

поэтическимъ талантомъ. «О, дружба,—воскликнулъ онъ,—велика твоя сила», и опять замолкъ и нахмурился словно, думая какую-то думу. Въ эту минуту серьезное, уже не юношеское, гладко выбритое ради конспираціи лицо Саблина напоминало лицо почтеннаго католическаго патера; такъ мы и звали иногда въ шутку этого въ сущности жизнерадостнаго и обыкновенно веселаго человѣка. Но, кто знаетъ, можетъ быть, передъ его внутреннимъ взоромъ, какъ безсознательное видѣніе, пронеслось въ эту минуту предчувствіе собственной судьбы. Годъ съ чѣмъ-то спустя, подобно Квятковскому, тогда уже казненному, Саблинъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Гесей Гельфманъ на конспиративной квартирѣ (послѣ 1-го марта) и, хорошо зная предстоящую ему участь, пустилъ себѣ пулю въ високъ, не желая продѣлывать неизбѣжную въ такихъ случаяхъ трагикомедію суда и казни... Это была моя послѣдняя встрѣча съ Саблинымъ.

Въ типографіи «Народной Воли». Нашъ арестъ и побѣгъ, изъ обязательной для всѣхъ осторожности, принудили меня и Морозова нѣкоторое время не показываться на улицѣ; однимъ словомъ, намъ пришлось подвергнуться карантину, а такъ какъ лучшаго мѣста для карантина не было, какъ квартира типографіи «Народной Воли», откуда почти никто не выходилъ и куда заходилъ самое большее одинъ изъ товарищей разъ, или два въ недѣлю, то мы, не теряя ни минуты, въ тотъ же вечеръ отправились въ типографію. Всѣ встрѣтили насъ тамъ съ распростертыми объятіями, такъ истомились они своимъ затворничествомъ, такъ рѣдки были тамъ гости.

Николай Бухъ, Софья Иванова, Л. Цуккерманъ, Птичка и М. Грязнова. Хозяиномъ и хозяйкой квартиры типографіи были Николай Бухъ и Софья Иванова, а работали тамъ, кромѣ нихъ, знакомый мнѣ по заграницѣ Лейзеръ Цуккерманъ, другой рабочій по прозвищу Птичка (за его высокій тонкій какъ бы птичій голосъ) [1]) и въ качествѣ номинальной прислуги М. В. Грязнова, перешедшая сюда вмѣстѣ съ Птичкой по наслѣдству изъ старой типографіи «Земли и Воли». Собственно болѣе живыми и сообщительными членами этой типографской артели были послѣдніе трое.

Софью Иванову я знала давно, еще со времени общаго сидѣнья въ Домѣ Предварительнаго Заключенія въ 1876—77 годахъ. Она была вообще довольно живого и веселаго характера, но въ описываемое время (конецъ ноября 1879 г.) она переживала тяжелое личное горе и была не совсѣмъ здорова, такъ что она казалась молчаливой и грустной.

Николай Бухъ, ея номинальный супругъ по квартирѣ, былъ человѣкъ вообще крайне замкнутый; раньше я встрѣчалась съ нимъ нѣсколько разъ на общихъ товарищескихъ собраніяхъ, онъ бывалъ нѣсколько разъ по дѣлу и у насъ съ Морозовымъ на

---

[1]) Рабочій Лубкинъ.

квартирѣ, гдѣ происходили первое время редакціонныя собранія, а также другія дѣловыя встрѣчи.

Кибальчичъ. Тамъ у насъ бывалъ Кибальчичъ, Богородицкій (черезъ котораго велись сношенія съ крѣпостью) и другіе, но молчаливѣе Буха я не помню никого, развѣ Кибальчича, которому иногда приходилось, бывало, оставаться у насъ по часу и больше, поджидая кого нибудь; но онъ всегда былъ такъ поглощенъ какой-то думой, что не было ни малѣйшей возможности расшевелить его, заставить разговориться. На самые простые вопросы онъ отвѣчалъ разсѣянно, часто невпопадъ и побившись съ нимъ минутъ десять-двадцать, я оставляла его одного «считать звѣзды», а сама уходила къ себѣ въ комнату. Его не только не занималъ разговоръ, но не занимали также газеты и журналы, лежавшіе обыкновенно у него на столѣ, онъ никогда ихъ не развертывалъ, не трогалъ, а сидѣлъ всегда молча и о чемъ то думалъ. Такимъ же почти былъ и Бухъ, но съ нимъ мнѣ всегда приходилось встрѣчаться въ обществѣ другихъ, и его молчаливость не такъ бросалась въ глаза.

Наиболѣе сообщительнымъ изъ всѣхъ, проживавшихъ въ типографіи «Народной Воли», былъ Лейзеръ Цуккерманъ. Это былъ настоящій типографскій работникъ, работавшій раньше въ заграничныхъ русскихъ типографіяхъ въ Женевѣ и спеціально привезенный Зунделевичемъ для «Народной Воли» изъ-за границы. Когда, бывало, вечеромъ работа кончалась, и всѣ собирались въ довольно просторной задней комнатѣ за вечерней закуской и самоваромъ, Лейзеръ шутилъ и смѣялся, чаще всего изображая сцены изъ жизни простого еврейства, пересыпая русскія фразы съ еврейскими. Соль его разсказовъ больше всѣхъ, казалось ему, оцѣнивала я, такъ какъ я встрѣчала евреевъ за границей и, благодаря привычкѣ къ нѣмецкому языку, ухо мое легче улавливало смыслъ словъ еврейскаго жаргона, очень близкаго къ простонародному нѣмецкому. Это случайное обстоятельство сближало насъ; Цуккерманъ видѣлъ во мнѣ самаго близкаго ему товарища, и иногда въ свободныя минуты, когда мы заняты бывали фальцовкой уже отпечатанныхъ листовъ (кромѣ 3-го номера «Народной Воли» въ это время набиралось еще безцензурное изданіе Некрасовскаго «Пиръ на весь міръ»), Цуккерманъ знакомилъ меня, напѣвая въ полголоса, съ древними заунывными еврейскими напѣвами, которымъ я старалась подражать къ великой его радости, или разсказывалъ различные эпизоды изъ жизни Іисуса Христа, какъ рисуетъ его Талмудъ въ его отношеніяхъ къ Богоматери; это были подробности незнакомыя обычной христіанской исторіи; Цуккерманъ, раньше, чѣмъ отдаться дѣлу революціонной печати, готовился быть раввиномъ. Онъ прошелъ полный курсъ высшей еврейской школы, сотрудничалъ въ еврейской газетѣ, издававшейся на древнееврейскомъ языкѣ въ Берлинѣ, и помѣщалъ тамъ, какъ мнѣ говорили, прекрасные талантливые стихи. Его внѣшность, его манера держать себя, не да-

вали однако возможности сразу оцѣнить его при поверхностномъ знакомствѣ. Его привычка шутить надъ самимъ собой какъ бы умаляла въ другихъ уваженіе къ нему, и я знавала людей, которыхъ онъ прямо шокировалъ. Между тѣмъ, подъ этой мало импонирующей внѣшностью жила прекрасная чуткая поэтическая душа, готовая на беззавѣтное самоотреченіе. Какъ назвать въ самомъ дѣлѣ его пріѣздъ изъ-за границы въ Петербургъ, гдѣ у него кромѣ Зунделевича, очень скоро арестованнаго, не было ни одной знакомой души, гдѣ прямо съ вокзала онъ заперъ себя въ типографію «Народной Воли», откуда только по четвергамъ, во время прихода полотеровъ, его отправляли на прогулку, да и то онъ не зналъ, какъ убить это время, безцѣльно бродя по незнакомымъ ему улицамъ. Онъ самъ признавался мнѣ, что чувствовалъ себя на улицахъ Петербурга, какъ въ пустынѣ. Онъ не думалъ еще въ то время, какъ близокъ часъ, когда, послѣ многолѣтнихъ мытарствъ по тюрьмамъ, судьба забросить его въ другую уже настоящую пустыню—въ Якутскую область, гдѣ ему суждено было найти свою безвременную могилу въ волнахъ негостепріимной Лены. Попавъ въ Якутскую область послѣ Карійской каторжной тюрьмы, Цуккерманъ съ первой же весной покончилъ съ собой, бросившись въ рѣку. Такъ кончила жизнь эта прекрасная одинокая душа, беззавѣтно искавшая правды, только правды.

Другой его сотоварищъ по работѣ въ типографіи «Народной Воли», Птичка, былъ убитъ при сопротивленіи во время обыска въ этой типографіи (въ Саперномъ переулкѣ). Выше средняго роста, худой, съ тонкой шеей и едва пробивающимися усами, онъ казался очень молодымъ, хотя на самомъ дѣлѣ ему было не менѣе 25 лѣтъ; онъ вышелъ изъ рабочихъ и принадлежалъ къ типу скромныхъ, но отважныхъ тружениковъ, которымъ сознаніе осуществляемаго ими великаго дѣла свободы давало нечеловѣческія силы нести добровольное безотрадное затворничество. Птичка какъ и Л. Цуккерманъ жили безвыходно въ типографіи не прописанными, а потому изъ осторожности обречены были на полное затворничество. Напротивъ, хозяинъ и хозяйка квартиры могли свободно выходить; такъ, Софья Иванова нерѣдко бывала въ квартирѣ Квятковскаго, а также у меня съ Морозовымъ и у другихъ товарищей, но этимъ правомъ и они старались пользоваться по возможности рѣдко и вели съ виду самый скромный образъ жизни средней чиновничьей семьи.

Пятый членъ типографской семьи, М. В. Грязнова, молодая дѣвушка лѣтъ 24, изъ простой мѣщанской семьи, взяла на себя роль прислуги. Это была ея роль такъ сказать оффиціальная, передъ дворникомъ, на самомъ же дѣлѣ она предпочитала такъ или иначе работать вмѣстѣ съ другими въ печатномъ дѣлѣ, смазывая краской шрифтъ въ станкѣ или накладывая на шрифтъ смоченные листы бумаги, прокатывая ихъ валикомъ, но не стряпать въ кухнѣ, что она очень не любила. Это была дѣвушка съ

хорошимъ вѣрнымъ сердцемъ, но очень болѣзненно нервная; въ ней подмѣчали также ложный стыдъ за свою малообразованность и гордость человѣка, терпѣвшаго униженіе не разъ въ жизни. Эта дѣвушка оставила во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Она страдала и страдала вдвойнѣ. Въ описываемую минуту насъ было три женщины въ типографіи: С. Иванова, Грязнова и я, такъ что общими усиліями у насъ обѣдъ стряпался почти незамѣтно и, когда часа въ три на столѣ появлялась большая мѣдная кострюля съ дымящимися щами или какимъ-нибудь супомъ, всѣ весело бросали работу и спѣшили къ столу. Иногда, кромѣ супа, бывало и второе мясное блюдо, но не всегда; иногда же въ какихъ-нибудь особыхъ случаяхъ—удачно законченнаго печатнаго листа, или какихъ-нибудь добрыхъ вѣстей изъ города, на столѣ появлялась и небольшая бутылка англійской водки, почему-то непремѣнно желудочной англійской, которую пили желающіе по небольшой рюмкѣ. Бесѣда за столомъ почти всегда была оживленная, нерѣдко веселая и шумливая; несмотря на затворничество, у каждаго было что поразсказать, и часы отдыха пролетали незамѣтно. Почти всегда первымъ вставалъ изъ-за стола и принимался за работу неизмѣнно молчаливый Бухъ, за нимъ и другіе. Несмотря на положеніе невольныхъ гостей, мы съ Морозовымъ участвовали также въ работахъ; я умѣла даже набирать, такъ какъ еще студенткой въ Цюрихѣ участвовала вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ женскимъ кружкомъ (фритчей) въ наборѣ первыхъ номеровъ издававшагося П. Л. Лавровымъ журнала «Впередъ!»

Программа Исполнительнаго Комитета. Въ описываемую минуту шелъ наборъ 3-го номера «Народной Воли», гдѣ должна была выйти программа Исполнительнаго Комитета «Народной Воли». Послѣ Липецкаго съѣзда, гдѣ были намѣчены основныя положенія, программа эта, какъ я уже сказала, обсуждалась на нѣсколькихъ засѣданіяхъ, происходившихъ въ петербургской квартирѣ Квятковскаго, хозяйкой которой была въ то время не Евгенія Фигнеръ, не состоявшая членомъ организаціи, а Вѣра Фигнеръ (Филиппова), уѣхавшая послѣ этихъ собраній на югъ и помѣстившая на квартиру, вмѣсто себя, сестру свою Евгенію, которая и была впослѣдствіи арестована съ Квятковскимъ.

Базисомъ программы должны были оставаться положенія, выработанныя Морозовымъ, Михайловымъ и Квятковскимъ на Липецкомъ съѣздѣ, а здѣсь она подвергалась какъ бы второму чтенію. При обсужденіи присутствовали тогда Тихомировъ, Квятковскій, Морозовъ, Желябовъ, Фроленко, Зунделевичъ, Якимова, Баранниковъ, Колоткевичъ, Ширяевъ, М. Н. Ошанина, Вѣра Фигнеръ, я и еще нѣкоторые; каждый параграфъ возбуждалъ пренія; разногласіе происходило главнымъ образомъ на почвѣ вопроса о томъ, ставится ли главной цѣлью Исполнительнаго Комитета «Народной Воли» дезорганизація правительства посредствомъ партизанской террористической борьбы съ нимъ, дабы такимъ образомъ принудить правительство, предоставить самому

народу, свободно и безпрепятственно выразить свою волю (Народную Волю) и переустроить свою расшатавшуюся политическую и экономическую жизнь на новыхъ, самимъ народомъ выношенныхъ началахъ справедливости равенства и свободы, или же, пользуясь тѣмъ же методомъ борьбы названная организація должна стремиться сначала, путемъ политическаго заговора, захватить въ свои руки власть, декретировать народу конституцію сверху и уже тогда вручить народу свою власть. Первая формулировка, приблизительная конечно—я пишу на память—была принята на Липецкомъ съѣздѣ; вторая была внесена въ Петербургѣ главнымъ образомъ Л. Тихомировымъ и Ошаниной.

Разногласія въ Исполнительномъ Комитетѣ, вызванныя Тихомировымъ. И вотъ теперь, послѣ Московскаго взрыва, послѣ ареста Квятковскаго, одного изъ иниціаторовъ Липецкой программы, послѣ того какъ сношенія между членами организаціи были крайне затруднены, когда стали уже извѣстны предательскія показанія Гольденберга, сковавшія свободу тѣхъ, кто раньше былъ скомпрометированъ очень мало, Тихомировъ вздумалъ, вмѣсто созыва общаго собранія, разнести, въ своей формулировкѣ, программу Исполнительнаго Комитета по домамъ сочленовъ и собрать такимъ образомъ голоса. Нужно сказать еще, что передъ самымъ арестомъ Квятковскаго были приняты еще новые члены, какъ-то: Грачевскій, Н. Оловянникова (сестра Ошаниной), А. П. Корба и другіе, которые не присутствовали раньше при обсужденіи программы, а слѣдовательно, могли и не знать даже первоначальной формулировки Липецкаго съѣзда. Занятые текущими настоятельными дѣлами товарищи давали свои голоса Тихомирову часто только по товарищескому довѣрію. Морозовъ, самый горячій защитникъ Липецкой программы, въ силу обстоятельствъ находившійся въ типографскомъ карантинѣ, не могъ, конечно такъ же свободно видѣться и говорить съ товарищами, какъ Тихомировъ, такъ что мы узнали о домашнемъ голосованіи только post factum, когда Тихомировъ заручился согласіемъ большинства. Такой пріемъ съ его стороны и Морозовъ, и я сочли неправильнымъ и въ нравственномъ отношеніи чреватымъ самоуправствомъ, способнымъ разложить товарищество и лишить его необходимаго взаимнаго довѣрія. Меня въ особенности удручала эта сторона дѣла, въ этомъ я видѣла надвигающуюся гибель всего революціоннаго дѣла и въ этомъ смыслѣ написала письмо къ товарищамъ, которое успѣли прочесть очень немногіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ якобинскій оттѣнокъ, приданный Тихомировымъ программѣ Исполнительнаго Комитета, являлся какъ бы возрожденіемъ нечаевщины, какъ политической программы, давно потерявшей нравственный кредитъ въ революціонномъ мірѣ и грозившей нравственной смертью всей организаціи и всему революціонному движенію. Въ самомъ дѣлѣ, революціонная идея только тогда животворна, когда она является антитезой всякаго общественнаго, государственнаго, или личнаго принужденія, царскаго или яко-

бинскаго все равно. Узкій кругъ честолюбцевъ можетъ, конечно, смѣнять одно насиліе другимъ, одну власть другою; но ни народъ, ни общество не пойдутъ за нимъ сознательно, а только сознательное движеніе вноситъ новыя основы въ жизнь.

Всѣ эти соображенія пришлось изложить уже послѣ того, какъ программа была отдана въ наборъ, а задержать ея выходъ—значило задержать весь номеръ, правильное же появленіе номеровъ «Народной Воли» было, такъ сказать, равносильно появленію адмиральскаго флага на броненосцѣ, знаменующаго его готовность къ бою. Все это Тихомировъ бралъ, конечно, въ разсчетъ, увѣренный, что нельзя не примириться съ совершившимся фактомъ. Онъ ошибся только въ одномъ: фактъ, конечно, нельзя было не признать, но этотъ фактъ не только далъ неправильную окраску одному изъ наиболѣе яркихъ періодовъ революціонной борьбы, но сообщилъ и ложное направленіе будущему (см. «Подготовительную работу партіи Нар. Воли», составленную въ началѣ 80 г.) и гораздо больше, чѣмъ измѣна Гольденберга и правительственные погромы, расшаталъ внутри дружную семью людей, сошедшихся по свободному почину для борьбы на жизнь и смерть. Правда, по инерціи люди шли неуклонно къ главной, ранѣе намѣченной цѣли (цареубійству), и 1-е марта совершилось; но когда люди перваго состава Исполнительнаго Комитета почти всѣ погибли, приблизительно въ одно время съ этимъ послѣднимъ мощнымъ ударомъ, Комитетъ второго состава свершить уже ничего не могъ, несмотря на то, что пріѣхавшій лѣтомъ 81 г. изъ-за границы Стефановичъ объединилъ съ Комитетомъ жалкіе остатки «Чернаго передѣла», несмотря на то, что въ численномъ отношеніи людей было еще не мало.

Поступокъ Тихомирова былъ опротестованъ Морозовымъ и мною; намъ обѣщали собрать общее собраніе и, чтобы не быть наскованными условіями типографскаго быта, мы поспѣшили нанять себѣ по новому паспорту новую квартиру въ другой части города далеко отъ той, гдѣ жили раньше, и скоро распростились съ обитателями типографіи Сапернаго переулка, съ которыми такъ успѣли сжиться за три недѣли, проведенныя тамъ.

Мы переѣхали на новую квартиру не задолго до Рождества и послѣ того еще два раза встрѣтились всѣ вмѣстѣ съ большинствомъ бывшихъ въ Петербургѣ товарищей. Одинъ разъ это было на встрѣчѣ новаго года (1880 г.), устроенной на новой конспиративной квартирѣ, нанятой послѣ ареста Квятковскаго. Тамъ были многіе: Фроленко, Колоткевичъ, Желябовъ, Ал. Михайловъ, Морозовъ, Грачевскій, Ширяевъ, Исаевъ (Тихомирова не помню въ этотъ день), Т. Лебедева, Якимова (Баска) Геся Гельфманъ, Перовская, Оловянникова и другіе. Присутствующіе избѣгали касаться недавно всплывшихъ тяжелыхъ жгучихъ вопросовъ; мы перекидывались шутками, пѣли, разговаривали.

Особенно рельефно запала мнѣ въ память сцена приготовленія жженки: на кругломъ столѣ посрединѣ комнаты поставили

чашу (суповую), наполненную кусками сахара, лимона и специй, облитыхъ ромомъ и виномъ. Когда ромъ зажгли и потушили свѣчи, картина получилась волшебная; трепетное пламя, то вспыхивая, то замирая, освѣщало суровыя лица обступившихъ его мужчинъ; ближе всѣхъ къ чашѣ стояли Колоткевичъ и Желябовъ; Морозовъ вынулъ свой кинжалъ, за нимъ другой, третій, ихъ положили скрестивъ на чашу и безъ предупрежденія, по внезапному порыву грянулъ могучій торжественный напѣвъ извѣстной гайдамацкой пѣсни: «Гой не дивуйтесь, добрые люди, що на Украинѣ повстанье».—Звуки пѣсни ширились и росли, къ ней приставали все новые и новые голоса, а трепетное пламя мерцало, вспыхивая красноватымъ отблескомъ, какъ бы закаляя оружіе на борьбу и на смерть... Когда жженка была готова, зажгли снова свѣчи и разлили по стаканамъ горячій напитокъ. Наступалъ 1880 годъ... Что сулилъ онъ собравшимся, что сулилъ онъ Россіи?.. Когда пробило 12 часовъ, стали чокаться; кто жалъ сосѣду руку, кто обмѣнивался товарищескимъ поцѣлуемъ; всѣ пили за свободу, за родину, всѣ желали, чтобы эта чаша была послѣднею чашею неволи... Кто-то предложилъ попробовать спиритическое гаданье; въ одну минуту со смѣхомъ и шутками изготовили большой листъ бумаги съ четкими буквами, перевернули на нее блюдечко и сѣли за столъ. Первымъ былъ вызванъ духъ Императора Николая I-го, его спросили, какою смертью умретъ его сынъ, Александръ II. Блюдечко долго неопредѣленно блуждало и наконецъ получился странный отвѣтъ—отъ отравы... Этотъ отвѣтъ расхолодилъ всѣхъ, онъ показался лишеннымъ всякаго вѣроятія, такъ какъ нѣкоторые изъ присутствующихъ знали, что готовится дворцовый взрывъ, а всѣмъ вообще было извѣстно, что ядъ не былъ тѣмъ оружіемъ, которое употребляла бы организація Исполнительнаго Комитета «Народной Воли». Этотъ неудачный отвѣтъ расхолодилъ настроеніе; гаданье бросили. Кто-то запѣлъ опять какую-то малороссійскую пѣсню, другіе пробовали напѣвать революціонную молитву польскую, еще кто-то—положенные на музыку стихи: «Я видѣлъ рабскую Россію передъ святыней алтаря: гремя цѣпьми склонивши выю, она молилась за царя»... и, наконецъ, всѣ вмѣстѣ—французскую Марсельезу. Пѣли не громко, съ осторожностью, несмотря на общепринятый обычай на Руси весело и шумно встрѣчать новый годъ. Такъ прошелъ вечеръ. Пора было расходиться. Всѣмъ сразу выйти было опасно, а потому расходились по двое и въ одиночку, чтобы не привлечь вниманіе дворника, лежавшаго какъ обыкновенно поперекъ калитки на улицу.

Черезъ нѣкоторое время послѣ новаго года собрались мы всѣ еще одинъ разъ—это было уже дѣловое собраніе; нѣкоторыхъ, не вступившихъ еще въ члены организаціи, здѣсь не было (такъ не было Геси Гельфманъ и Исаева). Письмо мое товарищамъ, посланное изъ типографіи, въ которомъ я высказывала опасеніе потерять нравственную связь между товарищами, если образъ

дѣйствій Тихомирова войдетъ въ обычай, было прочитано нѣкоторыми и произвело, какъ говорили мнѣ, хорошее впечатлѣніе. Хотя программа была уже напечатана, на очередь поставлено было всетаки обсужденіе ея. Предстояло также переизбрать нѣкоторыхъ членовъ распорядительной комиссіи. Во время дебатовъ Тихомировъ уклонялся отъ прямого отвѣта по вопросу о якобинизмѣ (о захватѣ власти и декретированіи сверху) Морозовъ потребовалъ поставить на баллотировку признаніе Липецкой программы обязательной для организаціи, какъ программы, принятой не келейно, а свободно. Эта постановка вопроса, въ виду совершившагося факта домашняго принятія программы въ тихомировской формулировкѣ, была, конечно, безнадежна, но Морозовъ, высоко цѣня идейную сторону революціоннаго движенія, считалъ своей нравственной обязанностью это сдѣлать; и когда изъ собравшихся, значительное большинство признавая въ душѣ всю некорректность тихомировскаго поступка, стало всетаки на сторону совершившагося факта, Морозовъ заявилъ, что онъ считаетъ себя свободнымъ отъ обязательства защищать такую программу въ публикѣ. Я, съ своей стороны, заявила также, что по натурѣ своей могу дѣйствовать только свободно, а разъ Исполнительный Комитетъ въ программу свою внесъ задачу (захвата власти), которая противорѣчитъ самой основѣ моихъ убѣжденій, а въ организаціонной практикѣ прибѣгаетъ къ пріемамъ самовластья, чреватымъ взаимнымъ недовѣріемъ, то я также возвращаю себѣ свободу дѣйствій. Кто-то, кажется Грачевскій, считая, вѣроятно, мое заявленіе сдѣланнымъ сгоряча и помня, что я указывала главнымъ образомъ на вредъ тихомировскаго самовластнаго образа дѣйствій въ организаціи, чтобы показать мнѣ свое сочувствіе, предложилъ меня въ Распорядительную Комиссію; я конечно отказалась, на что Тихомировъ злобно заявилъ: «Напрасно отказываетесь, Васъ еще не выбрали, да и не выберутъ». На этотъ разъ однако въ Распорядительную Комиссію не случайно, конечно, а въ цѣляхъ нравственнаго оздоровленія Распоряд. Комиссіи, попала первая женщина; это была Софья Перовская. Ея энергіи исторія обязана въ значительной мѣрѣ актомъ 1-го марта, за который она поплатилась жизнью, а Тихомировъ съ тѣхъ поръ (съ начала 80 г.) хотя и продолжалъ быть номинально однимъ изъ распорядителей дѣлъ Исполнительнаго Комитета, однако послѣ февральскаго взрыва мало-помалу сталъ отстраняться отъ дѣлъ организаціи и все больше и больше льнулъ къ легальнымъ литературнымъ сферамъ, отдавая свое время почти исключительно легальной литературѣ, работая въ журналахъ подъ именемъ Кольцова.

Вообще послѣ февральскаго взрыва весь 1880 годъ прошелъ для организаціи малодѣятельно въ смыслѣ натиска на главную цитадель. Либеральныя вѣянія и заигрыванія Лорисъ-Меликова съ прессой отразились и на революціонной средѣ. Партія «Народной Воли» дала цѣлый годъ молчаливаго перемирія, хо-

тя и не разоружалась; снаряды, заложенные подъ руководствомъ Желябова подъ одинъ изъ мостовъ въ Петербургѣ, знаменуютъ уже, что революціонеры еще раньше 1-го марта извѣрились въ лицемѣрныя обѣщаніл Лорисъ-Меликова.

А какъ было имъ не извѣриться? Лорисъ Меликовъ дѣйствовалъ на два фронта—въ сторону легальной печати онъ давалъ всякія надежды, впрочемъ, въ очень расплывчатой формѣ,—въ сторону революціонеровъ организовывалъ самую предательскую шпіонскую армію, развращая общество и молодежь, завлекая въ тайные агенты людей всѣхъ сферъ и даже студентовъ. Либеральныя вѣянія Лорисъ-Меликова только разслабили бдительность старыхъ членовъ Исполнительнаго Комитета «Народной Воли», и такіе цѣнные бойцы, какъ Желябовъ, позволяли себѣ появляться на многолюдныхъ студенческихъ сходкахъ, гдѣ они попадалъ, конечно, на примѣту шпіонамъ, и къ концу 1880 года и въ началѣ 1881 г. наиболѣе дѣятельные члены организаціи были такимъ образомъ выслѣжены и одинъ за другимъ перехватаны, такъ что 1-е марта было послѣдней лебединой пѣснью «великаго» Исполнительнаго Комитета, какъ называли нѣкоторые Комитетъ перваго состава.

Провалъ типографіи «Народной Воли». За это время организація понесла тяжелую утрату; въ половинѣ января была арестована типографія «Народной Воли» въ Саперномъ переулкѣ со всѣми ея обитателями, съ которыми мы еще такъ недавно дѣлили кровъ и легко могли погибнуть вмѣстѣ. Судьба спасла насъ. О гибели типографіи пришелъ сообщить намъ Желябовъ на нашу новую квартиру. Квартира эта была въ первомъ этажѣ окнами во дворъ и я изъ окна замѣтила высокую фигуру Желябова, всматривавшагося почему-то слишкомъ внимательно въ нашъ знакъ. Я подошла къ стеклу, чтобы разсѣять его сомнѣніе и онъ вошелъ къ намъ. Онъ былъ видимо взволнованъ. Горе наше было велико, когда мы узнали объ участи типографіи «Народной Воли», объ арестѣ всѣхъ, о вооруженномъ сопротивленіи и о смерти Птички. Желябовъ съ опаской шелъ къ намъ; думая не прослѣдили ли и насъ, тогда еще не знали причины погрома типографіи, но все было благополучно.

Послѣ ареста типографіи «Народной Воли» мы, т. е. Н. А. Морозовъ и я рѣшили временно уѣхать за границу. Морозовъ взявъ безсрочный отпускъ изъ организаціи. задумалъ изложить тамъ на свободѣ взгляды, получившіе признаніе на Липецкомъ съѣздѣ, что и исполнилъ впослѣдствіи въ своей брошюрѣ «Террористическая борьба», не касаясь конечно внутренней организаціонной тайны происхожденія новой редакціи программы Исполнительнаго Комитета «Народной Воли», т. е. описаннаго мною раскола. Мнѣ также нужно было временно уѣхать; я была серьезно нездорова, я недавно сильно надорвалась, неся на пятый этажъ въ квартиру Якимовой тяжелую бутыль съ какой-то жидкостью; я ужасно обезсилѣла послѣ

этого, а для революціонной работы нужны силы, хорошія силы. Намъ удалось получить заграничный паспортъ и уѣхать за границу только въ первыхъ числахъ февраля 1880 г. наканунѣ февральскаго взрыва во дворцѣ.

Желябовъ очень упрашивалъ насъ остаться и не ѣхать, но мы уже рѣшили, это было необходимо по многимъ причинамъ и какъ ни тяжело было отказать его товарищеской просьбѣ, но отказать пришлось. Это была моя послѣдняя встрѣча съ Борисомъ (Желябовымъ), такъ мы его звали. Когда я вернулась въ Россію въ началѣ 1881 года, Желябовъ уже былъ атестованъ, а потомъ вскорѣ (въ апрѣлѣ) и казненъ. Простились мы по товарищески очень сердечно. «Спѣшите,—сказалъ онъ,—на дняхъ совершится»; и дѣйствительно, едва мы успѣли доѣхать до Берлина, какъ насъ догнала вѣсть о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ...

Халтуринъ. «Неудача, опять неудача»! было нашимъ первымъ восклицаніемъ; напротивъ, заграничныя газеты впервые кажется отозвались о русской революціонной партіи съ большимъ почтеніемъ; нѣкоторыя видѣли въ этомъ взрывѣ проявленіе обширнаго дворцоваго заговора, не подозрѣвая, какъ сравнительно просто былъ совершенъ этотъ актъ. Недостатокъ силы матеріальной и численной восполнялся въ этой борьбѣ изумительнымъ самоотреченіемъ и личной отвагой. Кто подумалъ бы, что найдется человѣкъ, какъ Халтуринъ, который больше мѣсяца рѣшится спать на подушкѣ, скрывающей подъ собою динамитъ; кто подумалъ бы, что этотъ человѣкъ, выносившій такъ продолжительно эту пытку, болѣя отъ удушливыхъ газовъ, которые, незамѣтно для другихъ, онъ вдыхалъ каждую ночь, кто подумалъ бы, что тотъ же человѣкъ, встрѣтивъ однажды одинъ на одинъ Александра II въ его кабинетѣ, гдѣ Халтурину приходилось дѣлать какія-то поправки, не рѣшится убить его сзади просто бывшимъ въ его рукѣ молоткомъ, какъ это сдѣлалъ бы всякій обыкновенный убійца, не рискуя быть пойманнымъ. Да, глубока и полна противорѣчій человѣческая душа. Считая Александра II величайшимъ преступникомъ противъ народа, Халтуринъ въ то же время невольно чувствовалъ обаяніе его добраго обходительнаго обращенія съ рабочими и разъ какъ-то, оставшись одинъ въ царскомъ кабинетѣ, онъ даже взялъ себѣ на память какую-то бездѣлушку съ его стола, которую показывалъ нѣкоторымъ товарищамъ, но по ихъ настоятельному совѣту снесъ обратно въ кабинетъ и положилъ на мѣсто. Да, такія противорѣчія даетъ только жизнь, неподражаемый творецъ ничтожнаго и могучаго, великаго и малаго...

IV.

Мой второй пріѣздъ за границу. Въ Женевѣ, куда мы пріѣхали съ Морозовымъ, мы застали все ту же компанію, какая проживала тамъ въ концѣ 1878 года и началѣ 1879-го. Тамъ

были С. Кравчинскій, Драгомановъ, Крапоткинъ, Засуличъ, Дейчъ, Стефановичъ. Колонія нѣсколько обновилась, впрочемъ, временно пребывавшимъ тамъ (собственно не въ Женевѣ, а въ Кларанѣ, куда скоро почти всѣ переѣхали) редакторомъ-издателемъ журнала «Дѣло» К. М. Станюковичемъ, проживавшимъ тамъ со своей симпатичной милой семьей. Онъ писалъ въ то время одинъ изъ своихъ большихъ романовъ «Два брата», гдѣ, правда, въ очень общихъ штрихахъ изображаетъ пропагандиста-революціонера.

К. М. Станюковичъ. Станюковичъ, человѣкъ очень живой, впечатлительный, талантливый и симпатичный, слылъ кажется за очень неуживчиваго въ легальной литературной сферѣ; но къ намъ всѣмъ онъ относился всегда крайне любезно и хорошо. Такъ онъ далъ переводную работу Кравчинскому, въ которой по пріѣздѣ приняла участіе и я, продолжая переводить начатый имъ романъ «Спартакъ», который и былъ помѣщенъ въ 1881 г. въ «Дѣлѣ», пока Морозовъ писалъ свою «Террористическую борьбу» и другія работы. У Станюковича, очень гостепріимнаго хозяина и интереснаго собесѣдника, мы бывали часто. Общество его милой, поэтически настроенной жены было также очень пріятно. Это была настоящая хорошая русская семья, дружная и привѣтливая, съ прекрасно воспитанными дѣтьми, которые, какъ живой цвѣтникъ окружали ихъ. Я не порывала этого знакомства и послѣ, а въ Сибири, въ Томскѣ, куда онъ былъ сосланъ послѣ 1-го марта за сношенія съ Тихомировымъ и куда послѣдовала за нимъ и его семья, мы сошлись еще ближе. Тамъ, въ долгіе зимніе вечера, онъ разсказывалъ бывало намъ иногда въ комическомъ видѣ, что дѣлали нѣкоторые литераторы послѣ 1 марта. Передъ совершеніемъ этого акта они были предупреждены, что на дняхъ произойдетъ нѣчто, и готовились къ предстоящему политическому событію. Всѣ прогрессивнаго направленія газеты и журналы условились единодушно стать на защиту свободы.

Многіе, и въ томъ числѣ Станюковичъ, написали заранѣе составленныя воззванія и, собравшись въ редакціи одного большого журнала, ждали событій... Событіе совершилось, и у литераторовъ опустились руки. Не видя возстанія, котораго почему-то ожидали эти близорукіе политики, они не рѣшились сами, какъ представители общественнаго мнѣнія, заявить мирнымъ словомъ тѣ требованія, о которыхъ только что мечтали и для проведенія которыхъ декретами въ проектѣ ими были даже намѣчены члены временнаго правительства. Вышло такъ, что всѣ сразу заговорили о томъ, что преступно губить лучшіе журналы и газеты, что это будетъ мальчишествомъ, а не выраженіемъ общественнаго мнѣнія и порѣшили выразить свой протестъ молчаніемъ. Такъ и промолчали они замѣчательный актъ новѣйшей русской исторіи!

Гартманъ и Гамбетта. Его чуткому уму и сердцу видѣлись симптомы недобрые... Такъ, старые товарищи наши по

Исполнительному Комитету, взволнованные вѣстью объ арестѣ Гартмана [1]) въ Парижѣ, прислали мнѣ деньги и письмо съ просьбой съѣздить въ Парижъ и похлопотать тамъ передъ французскимъ правительствомъ объ освобожденіи Гартмана. Первымъ министромъ Франціи былъ тогда знаменитый Гамбетта. Порученіе Исполнительнаго Комитета я лично, по болѣзни, исполнить не могла и передала его Сергѣю Кравчинскому. Онъ поѣхалъ въ Парижъ вмѣстѣ съ эмигрантомъ Н. Жуковскимъ и только послѣ многихъ усилій получилъ аудіенцію у Гамбетты. Гамбетта принялъ ихъ очень недоброжелательно и сурово, хотя и сообщилъ, что въ силу законовъ Франціи, а не въ силу сочувствія имъ, какъ представителямъ революціонной партіи, Гартманъ будетъ высланъ изъ предѣловъ Франціи на ближайшую границу и попадетъ слѣдовательно въ Англію, а не въ Германію, чего мы боялись. Намъ ничего больше, конечно, и не было нужно... Но отношеніе Гамбетты къ нашимъ представителямъ, Гамбетты, мечтавшаго уже тогда о союзѣ съ Россіей, показывало намъ, что этотъ выдающійся политикъ, передъ которымъ были открыты міровыя карты, зналъ цѣну Лорисъ-Меликовскому либерализму и не видѣлъ въ немъ залога побѣды русской свободы...

Возвращеніе Н. Морозова въ Россію, Закончивъ свою литературную работу въ Кларанѣ, Н. Морозовъ рѣшилъ вернуться въ Россію. Былъ уже январь мѣсяцъ 1881 года... Я простилась съ Морозовымъ съ такимъ тяжелымъ чувствомъ, какого раньше не знала; я жила въ Женевѣ, этой клоакѣ шпіоновъ, и, чтобы не привлечь къ нему вниманіе, не могла даже проводить его на поѣздъ...

Арестъ Н. Морозова. Черезъ нѣсколько дней по его отъѣздѣ мнѣ передали, что меня просятъ зайти въ театръ гдѣ передадутъ мнѣ какія-то извѣстія отъ Морозова. Эта таинственность удивила и взволновала меня—почему нѣтъ письма мнѣ лично... Я пошла и сидѣла взволнованная, разсѣянно слушая какую-то оперу. Въ антрактѣ ко мнѣ подошелъ Мендельсонъ, сынъ извѣстнаго банкира и товарищъ Варынскаго и Длусскаго; онъ въ сбивчивыхъ выраженіяхъ объяснилъ, что пришло нехорошее извѣстіе, что Морозовъ, кажется, арестованъ, хотя не навѣрно... Я чуть не упала отъ горя и, шатаясь, какъ во снѣ, кое-какъ добралась до дому. Плачъ моей дѣвочки, проснувшейся, когда я безъ достаточной осторожности вошла въ комнату, привелъ меня въ себя. Я успокоила и накормила ее, но какой ядъ давала я ей съ моимъ молокомъ и гдѣ я взяла бы другого! Всю ночь плакалъ ребенокъ, я носила его на рукахъ по комнатѣ, прижимая къ груди. Въ головѣ у меня было какъ-то тяжело и пусто, пусто.

Предложеніе Сергѣя Кравчинскаго и мое рѣшеніе. Часовъ въ 8 утра ко мнѣ постучались; я молча отворила дверь; на порогѣ стоялъ блѣдный какъ полотно Сергѣй Кравчинскій, оче-

---

[1]) Гартманъ—участникъ взрыва 19 ноября 1879 года въ Москвѣ.

видно, только что пріѣхавшій съ утреннимъ поѣздомъ изъ Кларана. При одномъ взглядѣ на него я поняла, что онъ все знаетъ. «Слушай, Ольга, я поѣду, я самъ освобожу его» сказалъ онъ мнѣ. Я горячо запротестовала. «Мало одной гибели,—говорила я,—ты хочешь еще сгубить и себя». «Нѣтъ, я поѣду сама, я, какъ женщина, проберусь легче и, можетъ быть, смогу что-нибудь сдѣлать для него». Сергѣй уговаривалъ меня остаться, увѣрялъ, что уже распорядился послать туда одну знакомую, которая сдѣлаетъ все, что можно, но я рѣшила безповоротно и стояла на своемъ. «А дочь твоя»,—указалъ онъ на ребенка, какъ на послѣдній аргументъ. «Дочь мою я все равно уже кормить не могу, я оставлю ее пока тебѣ и твоей женѣ, а потомъ мы рѣшимъ, какъ устроить ее, я надѣюсь вернуться скоро». Сергѣй больше не возражалъ и уѣхалъ дѣлать свои распоряженія, а я стала наскоро собираться, чтобъ свезти ребенка въ Кларанъ и затѣмъ ѣхать дальше. У меня не было еще денегъ на поѣздку въ Россію, не было паспорта; старый употреблять было рискованно. Паспортъ я достала въ тотъ же день у одной очень симпатичной русской студентки, которая мнѣ ссудила его только на проѣздъ съ тѣмъ, чтобы я не жила по немъ въ Россіи; я это обѣщаніе исполнила и при всѣхъ опасностяхъ и невзгодахъ сберегла его незапятнаннымъ и вручила ей черезъ знакомыхъ въ 1882 г., уже сидя въ тюрьмѣ. Деньги помогъ мнѣ достать Герасимъ Романенко, эмигрировавшій изъ Одессы студентъ-юристъ, талантливый человѣкъ и превосходный товарищъ, очень расположенный къ Морозову и ко мнѣ. Онъ въ тотъ же день досталъ у одной очень состоятельной студентки 1.000 франковъ безъ всякихъ условій и вручилъ ихъ мнѣ.

Такъ я была готова въ путь. Я тщательно уложила вещи моей бѣдной дѣвочки въ особый чемоданъ, и оставила себѣ только маленькій шелковый платочекъ ея, которымъ обыкновенно повязывала ей голову. Этотъ платочекъ да фотографическая карточка Морозова, снятая передъ его отъѣздомъ были единственной памятью, оставшейся мнѣ отъ прошлаго...

Въ Кларанъ я поѣхала одна съ ребенкомъ. Утромъ рано я была у Сергѣя Кравчинскаго, который съ замѣчательной предупредительностью досталъ уже кроватку для моей дѣвочки и поставилъ ее въ чистой свѣтлой комнаткѣ, куда онъ меня ввелъ и оставилъ, одну. Я долго стояла какъ отупѣлая посреди комнаты; усталый ребенокъ спалъ на моихъ рукахъ; его личико, съ порозовѣвшими отъ сна щеками, было спокойно и младенчески прекрасно... Когда я наконецъ рѣшилась опустить его въ кроватку, онъ открыла глаза, большіе, серьезные, спокойные, еще объятые сномъ... Я не могла вынести этого взгляда. Боясь разбудить ребенка, не смѣя поцѣловать его, я тихо вышла изъ комнаты; я не знала, не хотѣла вѣрить, что вижу въ послѣдній разъ мою дѣвочку. Я думала вернуться, но этому не суждено было сбыться... Я этого не понимала. Сердце мое отупѣло отъ горя.

Когда мое пребываніе въ Россіи затянулось, Сергѣй, не имѣя возможности непосредственно и правильно сноситься со мной, самъ рѣшилъ участь моей дочери, какъ ему казалось лучше. Его бродячая жизнь эмигранта не могла обезпечить вѣрнаго и покойнаго пріюта ребенку и однажды, долго не получая извѣстій обо мнѣ, онъ рѣшилъ уступить давно выраженному желанію С. Подолинскаго, предложившаго взять къ себѣ моего ребенка, чтобы воспитать вмѣстѣ со своими дѣтьми.

Сергѣй Подолинскій. С. Подолинскій былъ вѣрнымъ другомъ и поклонникомъ П. Л. Лаврова; я знала его еще въ пору моего студенчества въ Цюрихѣ, когда онъ такъ любилъ бывало кататься съ нами на лодкѣ по озеру и вести со мною, тогда еще 18-ти лѣтней дѣвочкой, бесѣды о философскихъ и научныхъ вопросахъ. Впослѣдствіи онъ женился, на одной кіевской барышнѣ, но послѣ рожденія ея третьяго ребенка, разошелся съ женой, оставивъ всѣхъ дѣтей у себя. Увозя своего послѣдняго ребенка изъ Кларана, онъ просилъ С. Кравчинскаго, уступить ему и моего. Сергѣй Кравчинскій послѣ нѣкотораго колебанія согласился; правда, дѣти росли бы безъ матери, но Подолинскій самъ былъ врачъ и очень мягкій человѣкъ, а крупныя средства давали возможность дать имъ прекрасное образованіе. Дѣвочкѣ моей было уже полгода, когда Сергѣй Кравчинскій вручилъ ее Подолинскому. Ей не пришлось прожить и двухъ недѣль у своего новаго пріемнаго отца: эпидемическій менингитъ, косившій въ то время дѣтей на югѣ Франціи, сгубилъ и мою дочь, она умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ Подолинскаго и похоронена на кладбищѣ въ Montpellier, гдѣ у него была вилла. Самого Подолинскаго тоже скоро не стало; пережитая имъ драма съ женой подкосила его душевныя силы, онъ впалъ въ тяжелое душевное разстройство и умеръ скоро въ Парижѣ, гдѣ впослѣдствіи надѣлалъ много шума процессъ его матери съ его женой изъ-за уцѣлѣвшаго старшаго ребенка.

Да, грѣшно революціонерамъ заводить семью; какъ воины подъ градомъ пуль, они—мужчины и женщины—должны стоять одинокими, но въ молодости какъ-то забываешь, что жизнь революціонеровъ считается днями и часами, а не годами...

V.

Мой вторичный пріѣздъ изъ-за границы. Разставшись съ ребенкомъ, простившись съ ближайшими друзьями, я незамѣтно ни для кого выѣхала сейчасъ же въ Россію. Меня до Берна проводилъ Романенко, ухаживая за мною, какъ нянька. Я была какъ во снѣ. Дорогой Романенко не разъ уговаривалъ меня придать лицу болѣе веселый видъ, хотя-бы ради конспираціи. «Вотъ увидите,—говорила я въ мое оправданіе,—несмотря на мой невеселый видъ, я проѣду благополучно; по правдѣ говоря, мнѣ теперь все равно, что бы со мной ни случилось; лунатики не падаютъ, а проходятъ

тамъ, гдѣ спотыкаются зрячіе люди». Такъ и вышло, я проѣхала вполнѣ благополучно, взявъ изъ Берлина билетъ 2-го класса въ скоромъ поѣздѣ: это не была прихоть, на самомъ дѣлѣ я была больна. Оторвавъ сразу ребенка отъ груди, я не смогла дорогой убить молоко, да и не думала объ этомъ. Молоко вызвало воспаленіе и лихорадку. Такъ я пріѣхала въ Петербургъ, чтобы встрѣтиться съ О. Кутузовой (Кафіеро), выѣхавшей почти одновременно со мной изъ Кларана и обѣщавшей помочь мнѣ въ дѣлѣ освобожденія Морозова. Я должна была также повидаться со старыми товарищами по Исполнительному Комитету, которые, я знала, продолжаютъ, несмотря на мое разногласіе, по-прежнему хорошо относиться ко мнѣ и обращались еще не такъ давно ко мнѣ съ порученіемъ по поводу Гартмана, о которомъ я говорила выше.

Гриневецкій. Кромѣ Кутузовой, мнѣ нужно было взять себѣ на подмогу въ Сувалки, гдѣ подъ именемъ Лакьера сидѣлъ Морозовъ, кого-нибудь изъ мужчинъ, и за этимъ-то я обратилась къ старымъ товарищамъ. Это было въ концѣ января или въ началѣ февраля 1881 года, т. е., когда организація понесла уже очень крупныя потери. Повидавшись съ нѣкоторыми болѣе близкими мнѣ лицами, я съ дѣловымъ предложеніемъ обратилась къ Гриневецкому, какъ знавшему Западный Край и какъ къ человѣку рѣшительному и замѣчательно хорошему товарищу; онъ согласился, но на другой день сообщилъ, что ему поручено другое дѣло, болѣе отвѣтственное и что онъ, при всемъ желаніи, ѣхать со мной не можетъ; я не спрашивала, какое это отвѣтственное дѣло, тѣмъ болѣе, что отъ Вѣры Фигнеръ, съ которой я нѣсколько разъ видѣлась въ эти дни, я знала, что партія, извѣрившись въ обѣщанія правительства, готовится скоро къ новому удару. Мнѣ пришлось взять съ собою одного очень молодого человѣка, который, по словамъ Гриневецкаго, зналъ Западный край и могъ быть мнѣ полезнымъ.

Условившись съ этомъ молодымъ человѣкомъ встрѣтиться въ квартирѣ однихъ молодыхъ дѣвушекъ, въ числѣ которыхъ была кажется его сестра, я на прощанье повидалась съ Гесей Гельфманъ, моимъ старымъ товарищемъ по процессу 50-ти. Я знала, что она ведетъ переписку съ Колоткевичемъ, отцомъ ея будущаго ребенка. Колоткевичъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, сношенія съ которой поддерживались вплоть до ареста Перовской (въ мартѣ 1881 года), даже съ Алексѣевскимъ равелиномъ, гдѣ сидѣлъ тогда Нечаевъ, умѣвшій передавать одно время на волю даже цѣлыя писанныя имъ прокламаціи, изъ которыхъ, кажется, ни одна не была напечатана. Я поручила Гесѣ Гельфманъ слѣдить, не привезутъ ли Морозова въ крѣпость.

Геся Гельфманъ. Геся была грустна и выглядѣла не совсѣмъ здоровой, но личное горе свое она топила въ безпрерывныхъ хлопотахъ, налагаемыхъ нелегальной жизью революціонера. Вообще въ то время мало было видно веселыхъ лицъ въ нашей средѣ. Каждый день уносилъ кого-нибудь, оставшіеся были по-

давлены этими потерями и напрягали послѣднія силы на послѣдній ударъ... ударъ этотъ скоро свершился... Геся Гельфманъ была однимъ изъ участникомъ его и словно предчувствовала, что доживаетъ послѣдніе дни своей свободы; а какъ недолго вообще она пользовалась ею... Осужденная по процессу 50-ти въ 1877 году, какъ посредница по сношеніямъ между собою будущихъ товарищей ея по процессу, занимавшихся въ 1875 году пропагандой и организаціей молодежи и рабочихъ въ различныхъ городахъ Имперіи, Геся Гельфманъ, какъ непривиллегированная, была осуждена на заключеніе въ рабочемъ домѣ въ Петербургѣ. Когда въ августѣ 1878 года я бѣжала изъ Сибири, Геся Гельфманъ томилась еще въ рабочемъ домѣ; я переписывалась съ нею и разъ даже пришла подъ окно Литовскаго замка, гдѣ она сидѣла съ Топорковой; моя свобода ихъ радовала. Только черезъ годъ, лѣтомъ 79 г. Геся была освобождена изъ рабочаго дома и отправлена подъ надзоръ полиціи въ Старую Руссу. Въ концѣ 1879 г., кажется въ октябрѣ, она бѣжала изъ Старой Руссы, и тутъ только мы встрѣтились съ нею впервые послѣ нашего осужденія. Она говорила мнѣ, что чувствуетъ себя крайне утомленной послѣ такого продолжительнаго заключенія, что ей хотѣлось бы отдохнуть; но это было такое горячее время, всѣ были такъ увлечены напряженной борьбой, что общій водоворотъ захватилъ и ее. Она была вообще человѣкомъ очень впечатлительнымъ и всегда готовымъ на жертву. Вся ея жизнь—сплошная жертва... она умѣла любить. Не забуду я нашу встрѣчу въ Кіевѣ. Квартира Геси Гельфманъ служила намъ для письменныхъ сношеній и для встрѣчъ. Когда лѣтомъ 1875 года я проѣздомъ изъ Одессы въ Москву и Тулу зашла въ Кіевѣ на квартиру Геси Гельфманъ, ея не было дома. Мнѣ пришлось долго ждать, я была очень утомлена съ дороги и хотя съ Гесей совсѣмъ еще не была знакома, но съ простотой и довѣрчивостью молодости, прилегла къ ней на постель и заснула. Не знаю долго ли я спала, но я проснулась отъ поцѣлуя. Вся охваченная еще сномъ, я открыла глаза. Надо мною наклонилась молодая кудрявая женская головка, привѣтливая и улыбающаяся, сіяющая неимовѣрной добротой. «Вы Гельфманъ?» спросила я: «Да, я—Гельфманъ, я долго смотрѣла на васъ,—продолжала она,—на ваше спокойное, спокойное лицо, и я полюбила Васъ сразу и не удержалась—поцѣловала». Мы стали съ тѣхъ поръ друзьями. Она впослѣдствіи разсказала мнѣ всю свою жизнь. Она дочь зажиточнаго еврея фанатика, жившаго въ городѣ Мозырѣ; отецъ не далъ ей никакого образованія, и она всѣмъ обязана себѣ, своей энергіи. 17-ти-лѣтней дѣвочкой, отецъ, не спрашивая ея, рѣшилъ выдать ее замужъ. Ей приготовили приданое; свадьба назначена была на завтра; старыя женщины хотѣли уже взять ее, чтобъ продѣлать надъ нею отвратительныя обрядности, требуемыя старымъ еврейскимъ обычаемъ, но въ ней возмутилась стыдливость, она рѣшилась бѣжать. Заручившись содѣйствіемъ какой-то русской подруги, она ночью бѣжала къ ней, захвативъ

свои драгоцѣнности, а потомъ перебралась въ Кіевъ, гдѣ, поступила на акушерскіе курсы, чтобъ жить честнымъ трудомъ. Въ Кіевѣ она сблизилась съ прогрессивной молодежью и познакомилась въ 1875 г. съ однимъ изъ членовъ организаціи лицъ, осужденныхъ по процессу 50-ти, съ Александрой Хоржевской (кончившей дни самоубійствомъ въ Сибири), а потомъ и со мной. Я не стану разсказывать ея дальнѣйшую судьбу, она общеизвѣстна. Арестованная вмѣстѣ съ Саблинымъ (покончившимъ съ собой) на квартирѣ, гдѣ сходились участники 1 марта 1881 г., она была присуждена къ смертной казни, и только беременность отсрочила эту казнь, и обрекла ее на другую болѣе ужасную, которой нѣтъ имени. Пять мѣсяцевъ томилась она подъ угрозой казни, и только передъ самыми родами ей объявили помилованіе. Они дали ей родить ребенка, но обставили этотъ ужасный актъ такой пыткой, примѣръ которой не знала исторія: ее перевели для родовъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія, дали ей тамъ довольно большую камеру, но въ камеру поставили несмѣняемыхъ часовыхъ. Не одну женщину, и не бывшую въ такомъ положеніи, свели съ ума, безсмѣнной стражей въ тюремной камерѣ; этому пріему обязана своимъ умопомѣшательствомъ напримѣръ Елизавета Оловянникова. Какія муки пережила несчастная Геся Гельфманъ, это не подъ силу воображенію даже средневѣковаго палача. Она съ ума не сошла, организмъ ея былъ слишкомъ крѣпокъ, она родила живого ребенка; она смогла даже дать ему грудь. Ребенокъ былъ ея, никакой законъ, охраняющій материнское право даже въ каторжницѣ, не могъ отнять его; но кто думалъ въ то время руководствоваться закономъ! Черезъ нѣсколько дней, у Геси Гельфманъ отняли ночью ребенка и на утро свезли въ воспитательный домъ и бросили тамъ, не взявъ ни номера ни квитанціи; между тѣмъ многіе предлагали взять на воспитаніе этого ребенка. Мать не выдержала и очень скоро умерла. Такъ кончила жизнь Геся Гельфманъ, бѣжавшая изъ дома отца, возмущенная старымъ обычаемъ, возмущенная попраннымъ правомъ женщины, чтобы погибнуть жертвой неслыханнаго насилія надъ чувствомъ женщины, человѣка и матери.

Подробности послѣднихъ дней ея жизни я узнала въ 1882 г. отъ надзирательницъ Дома Предварительнаго Заключенія и отъ прокурора, къ которому я тогда, уже арестованная, обратилась съ просьбой дать мнѣ на воспитаніе ребенка Геси Гельфманъ; прокуроръ сказалъ мнѣ, что ребенокъ въ воспитательномъ домѣ, и о его судьбѣ никому ничего неизвѣстно, а женщины дополнили вышеописанныя подробности.

Я понимаю, что врага, въ особенности врага борющагося съ оружіемъ въ рукахъ, можно убить, уничтожить, но подвергать его пыткѣ, губить его ни въ чемъ неповинное дитя, это, это уже не по-христіански,—могла бы сказать и вѣроятно думала въ свои послѣднія минуты жизни еврейка Геся Гельфманъ...

Когда я прощалась съ Гесей Гельфманъ въ февралѣ 1881 го-

да, я не знала еще, что это наша послѣдняя встрѣча, но мнѣ надо было спѣшить. Молодой человѣкъ, съ которымъ мнѣ предстояло ѣхать въ Сувалки, попросилъ меня переждать одну ночь въ близкомъ ему семействѣ молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ я и ночевала. Видя мое нездоровье, эти добрыя молодыя дѣвушки уговорили меня полѣчиться и утромъ проводили меня въ лѣчебницу, гдѣ я получила нужный совѣтъ и лѣкарство. Съ вечернимъ поѣздомъ я выѣхала въ Сувалки вмѣстѣ съ моимъ молодымъ спутникомъ, а Кутузова уѣхала раньше туда, чтобы осмотрѣть позиціи и кое что вывѣдать. Ей, давно отвыкшей отъ Россіи, такъ не посчастливилось, что она, кажется, сейчасъ же была арестована, гдѣ и какъ, я сейчасъ не припомню, и выслана, кажется на родину въ Тверскую губернію. Мнѣ пришлось начать дѣло съ однимъ моимъ молодымъ спутникомъ. Онъ былъ еще очень молодъ, кажется, едва кончилъ гимназію, и я конечно не могла рѣшиться подвергать его большому риску. Задача очень осложнялась; въ Сувалкахъ у насъ не было ни души знакомой, и молодой человѣкъ былъ такъ неопытенъ, такъ неконспиративно держалъ себя, думая вѣроятно, что я такая же легальная барышня, какъ и онъ, такъ обращалъ на себя вниманіе своими слишкомъ либеральными замѣчаніями при постороннихъ, что прямо сердилъ меня; конспиративной выдержки въ немъ совсѣмъ не было. Онъ былъ новичекъ въ полномъ смыслѣ слова, горячій, самоотверженный, но совсѣмъ неумѣлый. Пробраться въ замокъ можно было только черезъ тюремныхъ служителей; я, какъ женщина, сама сблизиться съ ними не могла, я не могла заводить ихъ въ трактиръ и поить тамъ, а молодой человѣкъ тоже не умѣлъ и не могъ этого сдѣлать. Только черезъ двѣ недѣли мы узнали, что Лакьера-Морозова [1]) въ Сувалкскомъ замкѣ нѣтъ; намъ говорили, что его увезли въ Ковно, другіе—въ Минскъ, и тѣ и другіе, кажется, врали. Въ Ковно тѣ же неимовѣрныя трудности завести сношенія съ замкомъ, то же отсутствіе какихъ-либо знакомствъ. Мой спутникъ отъ скуки сталъ ходить въ общественную читальню, несмотря на мое предупрежденіе, что въ читальнѣ можно нарваться на шпіона. Я металась въ безсильной тоскѣ, скрывая свое горе отъ своего спутника. Отъ бабъ и торговокъ, съ которыми я пыталась лично завести сношенія, ничего путнаго я узнать не могла; такъ безплодно шло время; я ждала случая, цѣлый мѣсяцъ билась я... февраль былъ уже на исходѣ.

Отзвуки 1-го марта въ провинціи. Разъ, проснувшись утромъ, замѣчаю на улицахъ необычное волненіе, вездѣ по угламъ улицъ стоятъ кучки людей, о чемъ-то говорятъ, качаютъ раздумчиво головами; я поняла, что совершилось нѣчто, но что?.. Выхожу изъ дому, по улицамъ безумно мчатся курьеры; еще вчера, 1-го марта вечеромъ, домъ губернатора былъ освѣщенъ какъ для бала, то и дѣло сновали туда экипажи, хотя большого

---

[1]) Морозовъ былъ арестованъ подъ фамиліей Лакьера.

съѣзда не было видно. Очевидно, то былъ совѣтъ. Въ толпѣ ходятъ смутные слухи,—государь убитъ, Петербургъ взорванъ и проч. Къ полудню 2-го марта появляются объявленія о смерти Александра II и о восшествіи на престолъ Александра III, народъ сзывался въ синагоги, въ костелы на присягу.

Оставаться намъ дольше въ Ковно было безполезно; не было никакихъ данныхъ, чтобы Морозовъ былъ тамъ; я не знала, подъ какимъ именемъ онъ арестованъ, но мнѣ извѣстно было, что съ нимъ былъ паспортъ Лакьера, и я наконецъ сама пришла прямо въ замокъ и спросила у письмоводителя, нѣтъ ли у нихъ арестанта по имени Лакьера, перевезеннаго изъ Сувалокъ, не говоря, что это политическій. Мнѣ отвѣчали, что нѣтъ; по лицу и по тону, по его отношенію ко мнѣ я видѣла, что онъ говоритъ правду, и поняла, что вообще у нихъ, поводимому, политическихъ не было, иначе моимъ появленіемъ заинтересовались бы болѣе. Мы рѣшили ѣхать въ Вильно, гдѣ у насъ были знакомые, чтобы узнать подробности политическихъ событій и взять оттуда нѣкоторыя рекомендаціи въ Минскъ. Неопытность моего спутника дала свои плоды. Когда мы садились въ поѣздъ, за нимъ сталъ нахально слѣдить шпіонъ въ синихъ очкахъ, котораго, оказывается, хорошо зналъ уже мой спутникъ, встрѣчая его въ читальнѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ всегда терся возлѣ него. Дорогой насъ однако не тронули, но слѣдили по пятамъ. По пріѣздѣ въ Вильно, я предложила моему спутнику остановиться въ разныхъ гостиницахъ и совѣтовала ему, взявъ номеръ, незамѣтно скрыться, такъ какъ я видѣла, что его непремѣнно возьмутъ, а онъ, хотя и былъ легальнымъ, жилъ въ Ковно по фальшивому паспорту. Но онъ не послушался, рѣшился остаться на ночь въ гостиницѣ и на утро ѣхать въ Петербургъ; онъ не послушался также моего совѣта, если ѣхать, такъ ѣхать сейчасъ же—онъ хотѣлъ кого-то повидать въ Вильно. Я видѣла, что онъ идетъ къ пропасти, но онъ былъ слишкомъ упрямъ; спасти его я не могла, дѣлить его участь было бы глупо, а потому, какъ только я остановилась въ гостиницѣ, я сейчасъ же заказала самоваръ и, не запирая номера побѣжала незамѣченная по одному знакомому адресу; мнѣ съ готовностью обѣщали пріютъ; вмѣстѣ съ юнымъ гимназистомъ изъ этой семьи я вернулась въ гостиницу; онъ незамѣтно взялъ мой чемоданъ, а я, оставивъ рубль на столѣ, вышла отдѣльно отъ него и, поблуждавъ и покруживъ по городу, благополучно добрались къ моимъ новымъ знакомымъ (это было очень симпатичное еврейское семейство, фамилію котораго, какъ мимолетное знакомство, къ сожалѣнію, я забыла). На утро мы узнали, что мой спутникъ арестованъ ночью, въ его гостиницѣ. Его упрямство обошлось ему не дешево, онъ попалъ въ Сибирь, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ административной ссылкѣ... Послѣ этого ареста мнѣ являться на вокзалъ тоже было рискованно, и потому дня черезъ два мнѣ удалось пробраться въ Минскъ въ рабочемъ вагонѣ, куда усадилъ меня одинъ русскій рабочій за

долго до поѣзда и заперъ на ключъ; мнѣ пришлось просидѣть такъ чуть не полдня, пока наконецъ вагонъ прицѣпили, и мы поѣхали. Рабочій, провожавшій меня, вошелъ ко мнѣ только, когда поѣздъ тронулся въ путь. Въ Минскѣ я уже не была одна, и это облегчало мою задачу. Я вскорѣ узнала, что Морозова (Лакьера) нѣтъ и въ минской тюрьмѣ, и что онъ увезенъ въ Петербургъ, какъ говорили, прямо изъ Сувалокъ. Я страшно устала отъ этихъ безплодныхъ поисковъ, но все же не хотѣла мириться съ моей неудачей и рѣшила ѣхать въ Петербургъ. Но по прежнему опыту я знала, что съ фальшивымъ паспортомъ тамъ жить свободно нельзя, а потому осталась въ Минскѣ, чтобы найти себѣ нужные документы. Это не скоро можно было сдѣлать. Въ ожиданіи паспорта мнѣ пришлось вращаться въ кругу мѣстной радикальной молодежи, а отчасти встрѣчаться и съ рабочими. Всѣ были еще подъ впечатлѣніемъ событія 1-го марта. Многіе приходили ко мнѣ и спрашивали, почему молчитъ Россія, что дѣлать, не устроить ли какой-нибудь демонстраціи, какого-нибудь вооруженнаго нападенія, на то или другое лицо или учрежденіе. Я говорила имъ на это: «Товарищи, сосчитайте свои силы, вѣдь ихъ у васъ, я увѣрена, очень немного, и вмѣсто великаго, я боюсь, вы сдѣлаете только смѣшное»; и они признавались, что сознательныхъ силъ крайне мало, и умолкали; они начинали понимать, что отдѣльныя слабыя вспышки принесутъ не свободу, а новый гнетъ... Въ Минскѣ мнѣ пришлось провести не менѣе мѣсяца, такъ что я попала въ Москву уже въ апрѣлѣ.

Привозъ въ Москву шрифта для новой типографіи. По просьбѣ моихъ минскахъ знакомыхъ я захватила съ собой въ Москву большой чемоданъ со шрифтомъ для новой типографіи «Н. В.». Отказать мнѣ не хотѣлось, хотя это была рискованная для меня задача, но я рѣшила ее очень просто. Я пріобрѣла очень нарядную шляпу со свѣтлыми бантами и цвѣтами, купила новую изящную лѣтнюю накидку и одна, безъ провожатыхъ, поѣхала на вокзалъ съ этимъ громоздкимъ большимъ, довольно старымъ кожанымъ чемоданомъ, внутри котораго переложенный тряпьемъ лежалъ шрифтъ связанный плитками. Носильщику я велѣла нести этотъ чемоданъ въ багажъ; когда онъ его поднялъ, то даже ахнулъ, такъ было тяжело. «Что у Васъ, барышня, въ чемоданѣ?» спросилъ онъ меня. «Это разная домашняя металлическая посуда»,—сказала я, и посмотрѣвъ на меня, на мой веселый нарядный видъ, онъ успокоился и повѣрилъ. Мы сдали багажъ, причемъ я сама стояла возлѣ него съ носильщикомъ, и я благополучно пріѣхала въ Москву, гдѣ и остановилась прямо въ гостиницѣ—у меня былъ уже прекрасный паспортъ.

Въ Москвѣ мнѣ совѣтовали не ѣздить въ Петербургъ, пока не затихнетъ первый натискъ реакціи; «тамъ изъ нелегальныхъ никого почти нѣтъ,—говорили мнѣ,—и все равно ничего пока нельзя сдѣлать въ тюрьмѣ». Но я рѣшила всетаки ѣхать и, передавъ

квитанцію отъ чемодана со шрифтомъ А. П. Корба и предупредивъ ее, чтобы за полученіемъ его шла непремѣнно женщина, я рѣшила остаться въ Москвѣ не надолго, чтобы повидать только своихъ родныхъ—отца моего и его младшихъ дѣтей.

Свиданіе съ отцомъ. Отца я не видала со времени моего суда, т. е. съ 1877 года и теперь, разузнавъ его адресъ, отправилась къ нему въ Петровскій паркъ, предупредивъ, въ которомъ часу буду у него. Восемь лѣтъ, т. е. со времени моего отъѣзда студенткой въ Цюрихъ, я не жила больше въ родномъ домѣ. Родного дома у насъ впрочемъ уже и не было, не было и родной семьи. За годъ до моего отъѣзда въ Цюрихъ, отецъ женился на нашей гувернанткѣ, когда не прошло и двухъ лѣтъ со смерти моей матери [1]). У него народилась новая семья, а старая разбрелась: сестра моя Вѣра пріѣхала вслѣдъ за мной въ Цюрихъ, сестра Татьяна, какъ только подросла, стала жить отдѣльно и теперь жила въ консерваторскихъ квартирахъ, учась пѣнію, а самая младшія Клавдія только что вышла замужъ за бывшаго управляющаго отца моего, едва ей исполнилось 16 лѣтъ; старшій братъ гдѣ-то служилъ управляющимъ. Отецъ остался одинъ съ новой семьей; въ дѣлахъ ему не повезло. Разорившись во время русско-турецкой войны, вслѣдствіе общаго застоя въ дѣловыхъ операціяхъ, отецъ вынужденъ былъ остановить производство и продать свое подмосковное имѣніе (на Сѣтуни), гдѣ у него былъ большой кирпичный заводъ, приносившій крупный доходъ. Ему пришлось опять, какъ въ молодости, поступить въ Московскій межевой департаментъ Сената, гдѣ онъ служилъ и раньше, и теперь онъ жилъ уже не въ своемъ обширномъ домѣ, построенномъ имъ на Сѣтуни (въ 7 верстахъ отъ Москвы), а на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ.

Съ грустнымъ чувствомъ переступала я отцовскій порогъ послѣ такой долгой разлуки. Я застала всю семью за неряшливо накрытымъ обѣденнымъ столомъ; никакихъ слѣдовъ прежняго комфорта и порядка. Отца окружало человѣкъ пять маленькихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было лѣтъ восемь, остальные всѣ моложе. Зная, что я бѣжала изъ ссылки и пришла нелегально, отецъ, завидѣвъ меня, выслалъ дѣтей играть въ садъ; за ними вышла и мачеха моя Марія Ивановна, урожденная Соловьева. Я осталась одна съ отцомъ. Онъ взялъ меня за обѣ руки и, всматриваясь въ лицо, сказалъ: «Боже, какъ измѣнилась, только глаза остались тѣ же». Я обвила рукою его шею и долго отъ волненія ничего не могла сказать... «Да, продолжалъ онъ съ грустью, когда я овладѣла собой, я иногда обвиняю себя, что не съумѣлъ удержать тебя, не заперъ тебя, если бы это понадобилось, когда, пом-

---

[1]) Моя мать, Марья Петровна Любатовичъ, урожденная Теряева, дочь золотопромышленника, имѣвшаго золотые пріиски въ Сибири вмѣстѣ съ Зотовымъ. Она училась въ лучшемъ французскомъ пансіонѣ въ Москвѣ и была подругой дочерей писателя Лажечникова, въ домѣ котораго встрѣчала и другихъ писателей, чему она была обязана своимъ рѣдкимъ для того времени развитіемъ.

нишь, лѣтъ пять или шесть назадъ ты такъ же тайкомъ забѣжала ко мнѣ въ Москвѣ и призналась, что работаешь на московской фабрикѣ и ведешь пропаганду». «Я предупредила тогда тебя потому, чтобы ты не слишкомъ страдалъ, когда узналъ бы о моей судьбѣ отъ постороннихъ, но запереть меня ты бы не могъ, я и отъ тебя бѣжала бы такъ же, какъ потомъ бѣжала изъ Сибири. Оставимъ это, тебѣ не въ чемъ упрекать себя,—отвѣтила я;—моя судьба уже предрѣшена, и въ ней ни ты, ни даже я сама не властны. Береги себя для другихъ дѣтей, ты утомленъ и грустенъ, это не хорошо»... «Да, и мной пережито не мало», какъ бы про себя сказалъ отецъ и подойдя къ окну распахнулъ его. «Какъ здѣсь душно—замѣтилъ онъ—если ты не устала, пойдемъ пройтись по парку», и мы пошли бродить. Онъ откровенно объяснилъ мнѣ, какъ произошло его разоренье, какъ онъ, оберегая свою честь, долженъ былъ все отдать кредиторамъ, какъ въ эту пропасть пошли даже тѣ случайные 8 тысячъ, которыя выиграны были на выигрышный билетъ, подаренный мнѣ дѣдушкой до моего совершеннолѣтія и которыя отецъ берегъ для меня, несмотря на мое осужденіе. Мнѣ было безконечно жаль отца, которому эти признанія, я видѣла, стоили тяжелой борьбы. Я слышала мелькомъ о полученіи этого выигрыша отъ него же, еще сидя въ тюрьмѣ, и теперь надѣялась, что, можетъ быть, что-нибудь уцѣлѣло для моей осиротѣлой дѣвочки, о смерти которой я тогда еще не знала, такъ какъ я просила Сергѣя Кравчинскаго увѣдомить меня о ней въ Петербургъ по адресу одной родственницы жены его Фани; въ моемъ бездомномъ бродячемъ житьѣ я и писемъ получать не могла. Когда отецъ узналъ, что у меня есть ребенокъ и что я оставила его за границей, онъ сильно взволновался. Какъ человѣкъ умный и хорошо образованный (онъ получилъ образованіе въ Межевомъ Институтѣ) [1]), онъ прекрасно понималъ, конечно, что въ моемъ нелегальномъ положеніи ребенокъ мой легальнымъ быть не можетъ, но онъ всетаки страдалъ за меня и за ребенка, онъ страдалъ моимъ горемъ и невозможностью помочь мнѣ. Упрекать меня онъ не хотѣлъ... «Эхъ, отчего ты не родилась у меня мальчикомъ», черезъ минуту услышала я грустный, слишкомъ знакомый мнѣ съ дѣтства возгласъ, который бывало заставлялъ меня, маленькой дѣвочкой, долгіе часы молиться потихоньку Богу, чтобы онъ передѣлалъ меня въ мальчика... Теперь я поняла отца, я поняла, что на мои плечи легла не только трудная жизненная ноша человѣка, но и ноша женщины...

Мы бродили съ отцомъ до сумерекъ, говорили о событіяхъ дня, о будущемъ; онъ также страдалъ душой за родину, ждалъ для нея свободы, но не оправдывалъ насильственныхъ средствъ. «Нужно переродить наше общество нравственно,—говорилъ онъ,—

---

[1]) Мой отецъ былъ между прочимъ ученикомъ знаменитаго Бѣлинскаго, который преподавалъ въ то время въ Межевомъ Институтѣ.

посмотри нашихъ общественныхъ дѣятелей, нашихъ думцевъ и земцевъ, ими руководятъ больше интересы личные, интересы тщеславія... Такъ нельзя возродить Россіи». «Я отъ нихъ ничего крупнаго, хорошаго и не жду», былъ мой отвѣтъ... Давно уже стемнѣло, паркъ уже опустѣлъ; отецъ проводилъ меня до моей гостиницы, и мы разстались... Невесело было на душѣ.

Софья Бардина, На другой день, когда я собиралась уже выѣхать въ Петербургъ, ко мнѣ зашелъ кто-то изъ старыхъ товарищей по Исполнительному Комитету (помнится, Вѣра Фигнеръ) и сообщилъ, что мужъ Сони Бардиной—Шаховъ—въ Москвѣ и хочетъ меня видѣть. «А сама Соня, неужели ея нѣтъ здѣсь?» спросила я. «Нѣтъ, ея, кажется, еще нѣтъ», былъ отвѣтъ. Свиданіе мужъ Бардиной почему-то назначилъ на улицѣ. Я его совсѣмъ на знала (онъ былъ учителемъ въ Ишимѣ Тобольской губерніи, куда была сослана Бардина, и никогда въ революціонномъ движеніи участія не принималъ). Мнѣ описали его наружность, а я условилась надѣть какую-то ленту вмѣсто знака, чтобы онъ узналъ меня. Свиданіе состоялось въ этотъ же день. Онъ первый узналъ меня и подошелъ. Съ первыхъ же словъ я увидѣла, что имѣю дѣло съ человѣкомъ совсѣмъ не нашего круга, что мнѣ говорить съ нимъ просто не о чемъ. А какъ сильно стучало мое сердце, съ какой надеждой ждала я его; неужели, думалось мнѣ, Соня Бардина, мой старый вѣрный товарищъ, неужели она близко. Но господинъ, который представился мнѣ, какъ ея мужъ, не говорилъ мнѣ прямо гдѣ она; онъ спрашивалъ меня только, можно ли безопасно жить въ Москвѣ и Петербургѣ, но утверждалъ, что Сони въ Москвѣ нѣтъ, хотя для чего-то упрашивалъ, чтобы я пошла къ нему въ гости. Я отвѣтила, что въ Москвѣ и Петербургѣ можно было безопасно жить только тѣмъ, кого не слишкомъ ищутъ и, если Соня только-что бѣжала, я прошу его передать ей, чтобы она себя поберегла и временно пожила бы за границей. Такъ мы разстались, и я уѣхала въ Петербургъ. Софья Бардина бѣжала изъ ссылки еще не задолго до 1-го марта 1881 года и жила нѣсколько времени въ Казани, гдѣ безсмысленная и неумѣлая конспиративность мѣстныхъ народовольцевъ и чернопередѣльцевъ возмущала и волновала ее и держала въ тискахъ, въ чемъ отчасти, можетъ быть, былъ виноватъ и ея мужъ. Я только потомъ въ Сибири узнала также отъ М. Чикоидзе, осужденнаго вмѣстѣ со мной и Бардиной по тому же процессу 50-ти, что въ тотъ моментъ, въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1881 года, когда я видѣлась съ мужемъ Бардиной, въ Москвѣ были Чикоидзе и сама Бардина, при чемъ Чикоидзе очень просилъ Вѣру Фигнеръ устроить ему свиданіе и съ Бардиной, и со мной, но Вѣра Фигнеръ почему-то не передала этого желанія мнѣ и не сказала ему, что я въ Москвѣ. Я объясняю себѣ это тѣмъ, что моменты нашего пребыванія въ Москвѣ не совсѣмъ, вѣроятно, совпадали; какъ бы то ни было, мнѣ никто даже не сказалъ, что Чикоидзе, мой старый товарищъ, бѣжалъ изъ Сибири и нахо-

дится въ Россіи; я объ этомъ узнала только встрѣтившись съ нимъ въ одной арестантской партіи въ 1883 году, когда его высылали обратно, уже не на поселеніе, а на каторгу, за побѣгъ изъ ссылки (по приговору Сибирскаго полиц. суда), послѣ которой ему не суждено было увидѣть Россію; онъ умеръ въ Сибири... Такъ Чикоидзе, съ неимовѣрными усиліями пробравшійся съ береговъ Лены въ Москву въ 1881 году, затерялся среди новыхъ, незнакомыхъ ему, мало оберегавшихъ его товарищей, которые, по его словамъ, какъ-то очень скоро по пріѣздѣ, поручили ему свезти въ провинцію какіе-то тюки съ разрозненными и, слѣдовательно, даже безполезными листами «Народной Воли» куда-то въ Харьковъ или Бѣлостокъ, гдѣ онъ сейчасъ же и попался, незнакомый съ измѣнившимися полицейскими условіями того времени. Между тѣмъ мы, т. е. Бардина, Чикоидзе и я могли бы общими усиліями значительно освѣжить революціонное дѣло; осужденные по процессу 50-ти, мы были раньше членами очень тѣсной, а потому дружной и сильной организаціи, крѣпкой своимъ идейнымъ и нравственнымъ единеніемъ; наша организація еще въ 1875 г. положила первые зачатки революціоннаго объединенія городскихъ рабочихъ въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; она въ зародышѣ предначертала въ своей программѣ дальнѣйшій ходъ революціоннаго движенія отъ мирной пропаганды до дезорганизаціи правительства терроромъ, до вооруженнаго сопротивленія властямъ (выстрѣлъ и сопротивленіе князя Циціанова, поддержанное Вѣрой Любатовичъ). Эта организація, какъ мнѣ говорилъ Ал. Михайловъ и многіе другіе, послужила дальнѣйшимъ организаціямъ (Землѣ и Волѣ) примѣромъ тѣснаго сплоченія революціонныхъ силъ; наша организація въ короткое время охватила революціонной пропагандой большинство крупныхъ фабрикъ Москвы, а также и нѣкоторые провинціальные города, какъ Одессу, Кіевъ, Тулу, Иваново-Вознесенскъ и другіе; эта организація не дала изъ своей среды ни одного предателя, она была обязана этимъ принципу полной свободы и равенства членовъ ея, который легъ въ ея основу. Каждый членъ— интеллигентъ или рабочій, мужчина или женщина,—не по выбору, а по очереди, въ силу каждому присущей обязанности и права, исполнялъ опредѣленное время административныя обязанности; члены администраціи были посредниками и только; власти у нихъ не было никакой, и у насъ такъ высоко напримѣръ цѣнилась непосредственная работа въ народѣ, такъ высоко стоялъ принципъ обязательности простого рабочаго труда для каждаго члена, что въ администрацію всѣ шли неохотно, и какъ ни коротко было время нашей пропаганды (меньше года), она оставила очень замѣтные слѣды въ народѣ, и наше наслѣдіе было использовано пришедшими послѣ насъ; такъ, первымъ рабочимъ, выкинувшимъ впервые красный флагъ «Земли и Воли» во время демонстраціи 6-го декабря на Казанской площади въ 1876 году въ Петербургѣ, былъ Яковъ Потаповъ (воспитанный членомъ на-

шей организаціи И. Ж—мъ), раньше привлекавшійся къ дознанію въ Кіевѣ по нашему процессу (50-ти); имя члена нашей организаціи рабочаго Петра Алексѣева, сказавшаго свою знаменательную рѣчь въ Сенатѣ, извѣстно всѣмъ даже теперь. А тогда, въ 1881 году, насъ еще лично помнила рабочая Москва; это мнѣ говорили простые рабочіе, когда въ 1881 году я провела нѣсколько дней въ московской тюрьмѣ; насъ помнила тогда интеллигентная Россія, и все это использовать намъ самимъ не пришлось; судьба разбросала насъ, и мы гибли въ одиночку, скованные нашей разобщенностью.

Смерть Бардиной. Бардина, отправившись временно за границу, застала тамъ только чернопередѣльцевъ, забывшихъ старое духовное родство съ нами. Революціонное движеніе въ то время уже дифференцировалось на два теченія, и мы, объединявшіе въ нашей программѣ свободную организацію народа, мирную проповѣдь и вооруженный протестъ, мы оказались какъ-то не вполнѣ подъ-стать ни тѣмъ, ни другимъ. У Бардиной не оказалось за границей ни одного близкаго человѣка, но это было бы ничего—у нея не оказалось и физическихъ силъ. Одинокая, всѣми забытая, провела она нѣсколько мѣсяцевъ въ женевскомъ госпиталѣ и убѣдившись въ Женевѣ (въ 1883 году), какъ Хоржевская въ Томскѣ (въ 1886 году), какъ Бетя Каминская въ Петербургѣ (въ 1877-мъ), какъ Батюшкова (въ 1892) [1]), что потерянныхъ силъ не вернуть, она покончила съ собой, какъ кончали жизнь древніе стоики, предпочитая свободу въ смерти, рабству въ жизни...

Татьяна Лебедева. И странное дѣло, люди сильные, испытанные, какъ Бардина, Чикоидзе, Т. Лебедева одинокими бродили по Руси и за ея рубежомъ, а какой-нибудь Дегаевъ вращается въ самомъ центрѣ конспиративнаго круга и выдаетъ всѣхъ и вся. Я не могу забыть трагической фигуры Лебедевой. Безпріютная и одинокая, бродила она по Петербургу лѣтомъ 1881 г., негодующая и возмущенная. Она была оторвана отъ всѣхъ и преслѣдуемая полиціей ходила, какъ приговоренная къ смерти, пока почти добровольно не отдалась властямъ, отправившись на вокзалъ, безсильная спастись отъ преслѣдующей ее полиціи. Искать пріютъ у людей легальныхъ и съ положеніемъ, въ то время страшнаго общаго перепуга, было нельзя, у молодежи, всегда готовой на жертву, пристанище было опасное и для нея и для нихъ. Послѣ мая мѣсяца 1881 года изъ нелегальныхъ въ Петербургѣ проживали только Тихомировъ, Лебедева и я. Тихомировъ давно уже всѣхъ сторонился и не хотѣлъ помочь Т. Лебедевой, хотя и могъ; знакомства его были обширны, онъ былъ петербуржцемъ еще со студенческой скамьи и жилъ почти безвыѣздно въ этомъ городѣ; но, очевидно, онъ не разсчитывалъ въ то время на христіанскія чувства своихъ знакомыхъ. Я не помню, гдѣ и какъ я встрѣтилась тогда съ Лебедевой, но когда узнала

---

[1]) Всѣ перечисленныя женщины принадлежали къ процессу 50-ти.

ея положеніе, предложила ей пріютъ у себя, но пріютъ этотъ не былъ надеженъ и вотъ почему.

Имѣя вполнѣ легальный паспортъ, я вела довольно обширныя знакомства больше въ студенческомъ кругу и кромѣ того вела переписку съ Морозовымъ, сидѣвшимъ уже въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, передавая ему письма черезъ жену А. И. Иванчина-Писарева, сидѣвшаго въ то время также въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. За всѣми лицами, посѣщавшими заключенныхъ, могли слѣдить и хотя я передавала письма не непосредственно, а черезъ М. П. Лешернъ, но все же за абсолютную неуязвимость положиться было нельзя. Кромѣ того, посѣщая нѣсколько разъ студентку Розу Личкусъ, двоюродную сестру жены Сергѣя Кравчинскаго, на адресъ которой я ждала увѣдомленія о моемъ ребенкѣ, я разъ чуть было не была захвачена тамъ. Я только что вошла къ ней часа въ 2 дня и съ тупымъ недоумѣніемъ читала переданную ею мнѣ Розой телеграмму, очень туманно составленную, роковой смыслъ которой я какъ-то не умѣла понимать. Раздался звонокъ, я смотрѣла съ площадки парадной лѣстницы внизъ и черезъ стекла подъѣздной двери вижу полицію. Я смотрю съ недоумѣніемъ и ничего не понимаю; Роза выбѣгаетъ, сама смотритъ и взволнованно говоритъ: «Ступайте скорѣй, это съ обыскомъ». Я, какъ была, въ лѣтнемъ ситцевомъ платьѣ, не захвативъ ни шляпы, ни накидки, выхожу съ телеграммой въ рукѣ на заднюю лѣстницу и спускаюсь во дворъ; на лѣстницѣ встрѣчаю чью-то горничную, тоже съ непокрытой головой, какъ и я; это даетъ мнѣ рѣшимость выйти такъ на улицу; полиціи у воротъ поставить еще не успѣли, и я ушла. Со мной было всего нѣсколько копеекъ денегъ для конки; я покупаю за 10 коп. маленькій платочекъ въ рядахъ близъ Кирочной (Роза Л. жила на Кирочной) и, покрывши имъ голову, иду пѣшкомъ въ Новую Деревню, гдѣ я жила въ маленькой чердачной комнаткѣ. Дорогой разражается неимовѣрный ливень и ураганъ съ крупнымъ градомъ; въ одно мгновеніе меня промочило до костей; я прячусь подъ навѣсъ какого-то подъѣзда, чтобы переждать бурю, которая прямо валила съ ногъ. Ураганъ промчался скоро, но я вся измокшая, безъ шляпы, съ облегавшимъ мнѣ ноги мокрымъ платьемъ, не знала какъ показаться моей хозяйкѣ. Но она, завидѣвъ меня въ такомъ жалкомъ положеніи, сама подсказала: «Что буря унесла у Васъ шляпу?» спросила она и тѣмъ избавила меня отъ необходимости придумывать объясненіе. Да, судьба мнѣ покровительствовала даже въ несчастьи, въ эту минуту не только придумывать объясненіе, но я не могла просто говорить.

Я не знаю, какъ я не схватила горячки; я цѣлые часы просидѣла не переодѣваясь надъ роковой телеграммой, я наконецъ поняла, что дочери моей нѣтъ въ живыхъ. Я не плакала, я отупѣла отъ горя; меня спасла въ то время еще не покидавшая надежда устроить побѣгъ Н. Морозова. Я уже дѣлала нѣкоторыя

приготовленія къ этому и списывалась съ нимъ о планѣ, но я всетаки потеряла на время прирожденную мнѣ предусмотрительность; мысль о смерти ребенка туманила мнѣ голову; идя на улицѣ, или сидя въ конкѣ, я безъ муки не могла встрѣчать маленькихъ дѣтей; ихъ веселыя милыя лица терзали мнѣ сердце, напоминая мою погибшую дочь; это мѣшало мнѣ свободно всматриваться въ людей, проникать ихъ чувства и мысли.

Владиміръ Дегаевъ. Разъ какъ-то, одна изъ молодыхъ знакомыхъ моихъ, кажется студентка Никитина (съ ней и съ другой подругой ея, юной, горячей, самоотверженной и крупно одаренной З. Зацѣпиной я тогда чаще другихъ видалась) сообщила мнѣ, что меня очень хочетъ видѣть молодой Владиміръ Дегаевъ, съ которымъ онѣ говорили въ общихъ чертахъ, и который-де готовъ ради Морозова на самое рискованное дѣло. Владиміра Дегаева я почти не знала, но я знала его семью, состоявшую изъ матери, двухъ сестеръ и брата Сергѣя, гдѣ, по рекомендаціи Вѣры Фигнеръ, прожила даже нѣсколько дней во время моего пріѣзда въ Петербургъ въ концѣ января и первыхъ числахъ февраля 1881 года и не разъ бесѣдовала со старшимъ братомъ его, Сергѣемъ Дегаевымъ, тогда почему-то все тащившимъ меня на студенческую сходку, куда я впрочемъ не пошла съ нимъ, и уговаривавшимъ даже меня остаться на нѣсколько дней до студенческаго акта, гдѣ онъ, вѣроятно, зналъ, что будетъ исторія съ министромъ Сабуровымъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ въ маѣ 1881 года, я къ нимъ какъ-то не собралась, но слышала, что старшій братъ былъ арестованъ, но выпущенъ и находился въ какой-то ученой экспедиціи въ Архангельскѣ. Когда вмѣстѣ съ вышеупомянутыми студентками я встрѣтилась гдѣ-то за городомъ подъ открытымъ небомъ съ Владиміромъ Дегаевымъ, онъ предложилъ мнѣ свои услуги для освобожденія Морозова, очень разсыпался въ уваженіи и любви всей семьи къ нему (Морозовъ зналъ Дегаева раньше) и задалъ мнѣ естественный вопросъ, гдѣ онъ теперь сидитъ и есть ли съ нимъ сношенія; я сказала что есть и что онъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Этого было достаточно, чтобы черезъ нѣсколько дней Морозова перевезли въ крѣпость. Когда я написала ему слѣдующее письмо, мнѣ его вернули и сказали, что онъ уже въ крѣпости; я такъ и не знаю, получилъ ли онъ предыдущее, гдѣ я увѣдомляла его о смерти дочери. Такъ кончились мои безплодныя усилія вырвать его изъ тюрьмы. Предательство завершило всѣ другія неудачи.

Я сама оставалась однако свободной, хотя послѣ ареста Розы Личкусъ, въ особенности послѣ того, какъ старшая сестра ея Александра настояла черезъ посредниковъ, чтобы я повидалась съ ней, и мнѣ отказать ей было неловко, хотя свиданіе это было совсѣмъ ненужное (она хотѣла передать мнѣ шляпу и накидку), и я отъ него нѣсколько разъ отказывалась, за мной, мнѣ показалось, стали слѣдить, что принудило меня для испытанія пере-

ѣхать изъ Новой Деревни совсѣмъ въ противоположную сторону— на Охту, гдѣ я опять поселилась за нѣсколько рублей въ мѣсяцъ. Тамъ было то удобство, что въ городъ приходилось переѣзжать на яликѣ черезъ Неву, и шпіона всегда можно было замѣтить. Въ городѣ за мною слѣдили во многихъ мѣстахъ, я это видѣла, но ко мнѣ на Охту шпіоны еще не проникали.

Арестъ Татьяны Лебедевой. Я прожила почти мѣсяцъ спокойно; мы встрѣчались нѣсколько разъ съ Татьяной Лебедевой; отъ нея я узнала, что сношенія съ крѣпостью погибли послѣ ареста Перовской, при которой нашли адресъ унтеръ-офицера, черезъ котораго велись эти сношенія; Богородскій былъ также арестованъ, и надеждъ завести переписку съ крѣпостью пока не было. Лебедева жаловалась мнѣ, что безконечно истомилась вѣчнымъ преслѣдованіемъ по пятамъ полиціи; что иногда ей приходила мысль самой отдаться въ ея руки, такъ она устала и такъ ненужно теперь ея существованіе. На товарищей она не надѣялась, имъ самимъ было скверно, да ихъ, старыхъ товарищей, здѣсь и не было, кромѣ Тихомирова, который не хотѣлъ даже принять ее. Эти рѣчи приводили меня въ ужасъ; нужно было что-нибудь предпринять, я боялась, что она покончитъ съ собой, и предложила перебраться ко мнѣ, и хотя я, кажется, въ городѣ и сама была на примѣтѣ, но у меня въ захолустьи еще не замѣчена. Мы условились, что она придетъ ко мнѣ; я научила ее, какъ переѣхать черезъ рѣку на яликѣ; она почему-то этого не сдѣлала и отправилась кружнымъ путемъ черезъ Литейный мостъ; она была такъ утомлена и физически и душевно, что малѣйшее новое непривычное усиліе, незнакомый путь, были ей уже не посиламъ и она поѣхала на извозчикѣ до какого-то мѣста, а потомъ пошла ко мнѣ пѣшкомъ. Это было уже къ вечеру, но еще свѣтло. Я сидѣла на балкончикѣ своего чердака и наблюдала улицу. Я увидала Т. Лебедеву очень издалека и къ моему горю замѣтила, что она не одна, а за ней идетъ упорно какой-то субъектъ, слѣдя за всѣми ея движеніями; такъ она зашла въ лавочку и онъ за нею, она остановилась и онъ также—это былъ плохой знакъ. Дѣлать было нечего, она едва передвигала ноги и зашла всетаки ко мнѣ, идти дальше у нея, очевидно, не было силъ. Я сообщила ей мое наблюденіе, она согласилась, что это подозрительно, и пожалѣла, что не исполнила моего совѣта. Эту ночь она провела у меня, но на утро опять ушла въ городъ, и ко мнѣ часовъ въ 12 этого же дня, въ пустую комнату рядомъ вдругъ переѣхалъ какой-то жилецъ, молодой человѣкъ какъ бы изъ приказчиковъ, и съ нимъ женщина съ истрепаннымъ и наглымъ лицомъ, значительно старше его. Эти новые жильцы, убравши свой скарбъ, безцеремонно постучались ко мнѣ подъ какимъ-то предлогомъ и старались завести знакомство. Я выдавала тамъ себя за частную учительницу, и они разспрашивали у кого учу, за какую плату и прочее. Я насилу отдѣлалась отъ нихъ и пошла

въ городъ сообщить эту новость. Т. Лебедева получила какъ разъ въ этотъ день письмо изъ Москвы отъ товарищей, гдѣ ее звали выбраться изъ Петербурга. У нея другого выхода не было; но какъ спасти ее отъ шпіоновъ, которые преслѣдовали ее по пятамъ? Тутъ было пущено все: и проходные дворы, и пассажъ, гдѣ у меня былъ знакомый магазинъ, черезъ который можно было выйти незамѣтно, но ничто не помогло, и когда она подъѣхала къ вокзалу, ее схватили; я сама провожала ее издали и видѣла всю эту сцену, безпомощная помочь ей. Вернулась я домой поздно; мои новые сосѣди, переѣхавшіе на дачу, глядя на осень (это было въ концѣ августа или началѣ сентября) напились и шумѣли, переругиваясь другъ съ другомъ; изъ ихъ отношеній видно было, что это не семья, а мошенническое сообщество. Я понимала, что мнѣ нужно было подумать и куда-нибудь убраться, пока есть время. Но сдѣлать это сейчасъ же не могла; черезъ нѣсколько дней послѣ того, совершенно неожиданно для меня пріѣхалъ въ Петербургъ Герасимъ Романенко, о пріѣздѣ котораго въ Россію я даже не знала, и настоялъ черезъ знакомыхъ, чтобы я встрѣтилась съ нимъ и уговорилъ не ждать покорно гибели здѣсь, а перебраться въ Москву, гдѣ теперь собрались многіе; я согласилась, предпочитая погибнуть, какъ говорится, съ оружіемъ въ рукахъ; но я не ждала ничего крупнаго въ революціонномъ отношеніи въ это время, такъ какъ проѣздомъ въ Москвѣ весной я слышала такія рѣчи: «Александръ III долженъ погибнуть уже не отъ руки революціонеровъ, а отъ руки самого народа». Я знала народъ, была въ его средѣ простой работницей и понимала, какъ несбыточны еще такія надежды, и я съ грустью смотрѣла на ворохъ приготовлявшихся воззваній «Къ народу», «Къ обществу», «Къ офицерамъ» и проч., которыя, я знала, не найдутъ сколько-нибудь широкаго отклика; правда, кое гдѣ возникали еврейскіе безпорядки, и революціонеры считали это симптомомъ назрѣвающаго революціоннаго чувства; но такое уродливое и дикое проявленіе этихъ чувствъ, по моему, совсѣмъ не давало надеждъ на будущее, потому что знаменовало разнузданность страстей, а не сознательное стремленіе къ свободѣ и правдѣ. Но я всетаки согласилась поѣхать въ Москву, не зная еще, что буду тамъ дѣлать; мало того, я почти увѣрена была, что ничего большого сдѣлать не придется, но мнѣ не для кого и не для чего было беречь свою свободу: дѣло свободы русской, я чувствовала, отсрочено на долго, на долго; революціонеры не выносили ее еще въ себѣ, и ей не быть скоро...

Мой вторичный пріѣздъ въ Москву и арестъ. Прежде, чѣмъ ѣхать въ Москву, я по совѣту Романенко выдержала нѣсколько дней карантина въ квартирѣ одного присяжнаго повѣреннаго, его товарища по университету, и затѣмъ, чтобы не быть схваченной на вокзалѣ, какъ Лебедева, они проводили меня двѣ станціи на почтовыхъ, ѣдучи какъ будто на охоту. Но и эти предо-

сторожности не спасли. Пока я сидѣла взаперти, полиція вѣроятно, не знала, въ какой квартирѣ я нахожусь, но какъ только я вышла, за мною опять стали слѣдить. Въ одномъ вагонѣ со мною оказались опять какой-то сыщикъ съ женой, которые старались сблизиться со мной и уговорили остановиться въ одной гостиницѣ; я притворно согласилась; но когда мы пріѣхали вечеромъ въ Москву, я нарочно затерялась въ толпѣ и, взявъ извозчика, отправилась совсѣмъ въ другую часть города. У меня уже не было настоящаго паспорта, какъ въ Петербургѣ, и въ гостиницѣ пришлось предъявить фальшивый. Когда на другое утро ко мнѣ зашелъ Романенко (также вернувшійся въ Москву съ другимъ поѣздомъ), а затѣмъ и Вѣра Фигнеръ, я сообщила имъ о моихъ провожатыхъ. Вѣра Фигнеръ обѣщала устроить досмотръ за моей гостиницей и дня черезъ два зашла и сказала, что за мной очень аккуратно слѣдилъ Богдановичъ и нашелъ, что я отъ шпіоновъ свободна; это обрадовало меня, но не совсѣмъ убѣдило. Я всетаки однако стала выходить, а ко мнѣ заходилъ Романенко и Вѣра Фигнеръ. Но дни мои уже были сочтены; я не прожила и пяти дней въ Москвѣ; однажды днемъ, недалеко отъ моей гостиницы (на Большой Лубянкѣ) ко мнѣ подошелъ агентъ, проживавшій у меня на Охтѣ послѣ посѣщенія Т. Лебедевой, грубо остановилъ меня и сталъ кричать и звать полицію. Я хотѣла укрыться въ случившуюся тутъ же парикмахерскую, но парикмахеръ, разъѣвшійся нѣмецъ, стоявшій на порогѣ, оттолкнулъ меня. Я опять очутилась на улицѣ, собралась толпа, нѣкоторые старались оттереть меня отъ сбѣжавшихся городовыхъ, но мнѣ укрыться было некуда, извозчика не было, и меня наконецъ взяли... О моемъ арестѣ я печалилась не много, но я боялась, что кого-нибудь заберутъ у меня: такъ и случилось. Въ мой опустѣвшій номеръ зашелъ на другой день Романенко, и его тамъ арестовали; по счастью другіе узнали довольно скоро, и больше никто не пошелъ...

Такъ кончилось мое земное странствіе въ одну изъ самыхъ печальныхъ эпохъ русской исторіи. Въ Москвѣ оставались люди, ихъ было не мало; пріѣхавшій Стефановичъ помогъ объединить остатки «Народной Воли», съ послѣдними пережитками «Чернаго Передѣла», но это не спасло движенія; ему не хватало ясно формулированной задачи дня; ему не хватало естественнаго единства дѣйствій, возможнаго только при общности чувствъ и настроеній, а этого-то и не было. Надежда на народное возстаніе, навѣянная, вѣроятно, вліяніемъ Стефановича и легальныхъ круговъ, раздѣлялась въ глубинѣ сердца очень немногими, а потому и не создала активнаго почина; молчалъ народъ, молчало лишенное иниціативы общество, охваченное полной прострацiей, а революціонный кругъ, подточенный тайнымъ предательствомъ и нравственной разобщенностью, терялъ силы на вынужденную самозащиту, безсильный перейти къ широкому дѣйствію и ис-

*

ользовать величайшій міровой актъ, совершенный имъ. Литература наша плохо воспитала общество и еще хуже народъ; не ыло яснаго сознанія, не было смѣлаго почина, не было открыаго голоса земли, свободнаго и независимаго, не подтасованнаго, уждаго своекорыстнымъ интересамъ. Революціонеры свалили яжелый камень, замыкавшій входъ въ темницу, но узники испугались и не знали куда идти; такъ и остались они еще четверть вѣка въ своемъ подземельи, продолжая коснѣть въ смрадѣ рабства и нравственнаго разложенія.

Между тѣмъ тамъ, наверху, чутко прислушивались къ голосамъ снизу; тамъ чувствовали все величіе историческаго момента и кто знаетъ, будь свободный смѣлый широкій починъ снизу, онъ избавилъ бы Россію отъ многихъ невзгодъ нынѣ. Это убѣжденіе я вынесла изъ отношенія властей ко мнѣ, тогда арестованной, а слѣдовательно уже безвредной для нихъ. Нужно сказать, что когда меня черезъ два дня послѣ ареста отправили въ Петербургъ, то съ перваго же допроса я поразила властей (допрашивалъ прокуроръ палаты Добржинскій) полнымъ равнодушіемъ къ своей участи. Я не говорила моего имени просто изъ принципа, но они знали кто я, такъ какъ московскій жандармскій адъютантъ Дудкинъ узналъ меня лично—онъ отправлялъ насъ въ Сибирь—и конечно сообщилъ объ этомъ въ Петербургъ. При предъявленіи свидѣтелямъ—квартирной хозяйкѣ, гдѣ я жила съ Морозовымъ и откуда вмѣстѣ съ нимъ спаслась, прислугѣ Квятковскаго и проч.—я не проявляла ни малѣйшаго интереса, какъ будто это было скучное постороннее мнѣ дѣло; я молчала, но не мѣшала обвинять меня.

Прокуроръ С.-Петербургской палаты Муравьевъ. Я заявила только, что принадлежу къ террористической фракціи революціонной партіи, что принимала нравственное участіе въ цареубійствѣ, и просила причислить меня къ предстоящему процессу 22-хъ, но давать какія-либо разъясненія отказалась. Это взбѣсило прокурора палаты Муравьева (впослѣдствіи министра юстиціи), который однажды самъ присутствовалъ на моемъ допросѣ; онъ попытался и со мной, какъ это онъ, говорятъ, дѣлывалъ съ другими, грознымъ окрикомъ и угрозами заставить меня затрепетать, но я посмотрѣла на него такимъ изумленнымъ спокойнымъ взоромъ, что онъ осѣкся, и съ тѣхъ поръ я его больше не видала.

Товарищъ прокурора палаты Добржинскій. Прокуроръ Добржинскій, продолжавшій слѣдствіе и вызывавшій по обязанности дальнѣйшихъ свидѣтелей съ Охты и проч., не оскорбился моимъ равнодушіемъ къ слѣдствію, а сталъ относиться ко мнѣ вдумчиво; не видя противодѣйствія обвиненію очень серьезному,—по 249 ст. Улож.—вѣчная каторга и даже смертная казнь,—напротивъ, видя съ моей стороны желаніе во что бы ни стало быть судимой, въ немъ пропало все рвеніе слѣдователя, и онъ заинте-

ресовался мной просто какъ человѣкомъ. Это понятно; передъ нимъ проходило такъ много людей и людей очень крупныхъ, уже отдавшихъ и теперь отдававшихъ свою свободу и жизнь за идею, что эта идея не могла не интересовать его, и онъ хотѣлъ уловить ее въ ея различныхъ выразителяхъ. Онъ сталъ говорить со мною не какъ съ обвиняемой, а какъ съ любопытнымъ для него человѣкомъ. Я тоже не считала нужнымъ скрывать даже передъ врагомъ своихъ политическихъ взглядовъ; мы говорили не о лицахъ, а объ идеяхъ и общеизвѣстныхъ фактахъ, т. е. о томъ, о чемъ можно говорить съ каждымъ, предупредивъ Добржинскаго, что говорю не отъ партіи, а отъ себя лично. «Скажите,—говорилъ онъ,—чѣмъ возмутилъ противъ себя государь Александръ II, такой добрый, гуманный, давшій свободу крестьянамъ—рабамъ?»— «А тѣмъ—отвѣчала я,—что 19 февраля онъ сдѣлалъ только то, что могли сдѣлать безъ него и сами помѣщики, какъ это было въ другихъ земляхъ и чего, пожалуй, безъ нихъ онъ не смогъ бы сдѣлать, а то, что было только въ его собственныхъ царскихъ рукахъ—гражданская политическая свобода всего русскаго народа, всѣхъ его классовъ, это сокровище онъ предательски убивалъ во всю свою жизнь и, убивая свободу, онъ убивалъ душу народную; онъ, какъ скупецъ, заперъ свободу въ подземелье подъ десятью печатями, охраняя ее висѣлицами и разнузданностью опричниковъ. Вотъ и возстали мстители за поруганную свободу, и Александръ II палъ отъ ихъ руки. Это была роковая неизбѣжная логика исторіи. Его жаль какъ человѣка, но какъ властитель онъ виноватъ. Видя свой тронъ колеблющимся, царь призвалъ на защиту его Лорисъ-Меликова, годнаго скорѣе въ начальники охраннаго отдѣленія, чѣмъ въ диктаторы, и тѣмъ самъ подписалъ себѣ смертный приговоръ. Диктаторъ гонялся за революціонерами, заигрывалъ съ легальной литературой, кроилъ жалкіе проекты совѣщательнаго Совѣта, вродѣ теперешняго Государственнаго Совѣта, вмѣсто народнаго представительства, а рокъ исторіи шелъ своимъ неотвратимымъ шагомъ и... совершился. Никто не вѣрилъ сыщику, никто не вѣрилъ извѣстному предателю, препровождавшему въ просверленныхъ судахъ въ Турцію мусульманъ, горцевъ Кавказа, бросавшихъ имущество и вѣками насиженныя земли, чтобы предательски погибнуть на пути». И странно мнѣ было говорить такъ съ моими врагами, но я говорила съ ними, какъ человѣкъ, отрѣшившійся отъ жизни, какъ человѣкъ, порвавшій счеты съ землей; они это чувствовали, они чувствовали, что для меня уже нѣтъ ни друзей, ни враговъ, а есть одно великое горе, горе родины, близкой намъ всѣмъ. И странное дѣло, я подмѣтила и въ нихъ отзвукъ неподдѣльнаго чувства къ народному горю. Они тоже были утомлены борьбой, утомлены кровью, которую они проливали.

— Скажите, на чемъ помирилась бы революціонная партія на какихъ условіяхъ она отказалась бы отъ террора; нельзя ли

установить перемиріе хотя бы до коронаціи?—спрашивалъ меня Добржинскій...

— На условіяхъ свободы слова и собраній для народа, на условіяхъ общей амнистіи для осужденныхъ, сказала я, предупредивъ, что я говорю конечно не отъ партіи, а свое личное мнѣніе.

— Напишите письмо государю и изложите то, что говорили намъ, предложилъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ, я писать государю не стану, въ моемъ положеніи человѣка не свободнаго писать государю нельзя—не зная меня, онъ невѣрно истолкуетъ мои мотивы, и это не приведетъ ни къ чему, отвѣчала я.

— Нѣтъ, ваше имя знакомо государю, и онъ внимательно отнесется къ вашему письму...

Я всетаки отказалась, боясь, что это письмо ляжетъ только пятномъ на мое имя, что въ революціонномъ кругу его сочтутъ за преклоненіе передъ царской властью, и ничего не поправитъ. Черезъ нѣсколько дней совершилось покушеніе Санковскаго и Мельникова. Прокуроры были потрясены. Вопреки обычаю политическихъ слѣдователей, Добржинскій, вытребовавъ меня для предъявленія какому-то свидѣтелю, сообщилъ мнѣ фактъ этого новаго покушенія. «Очевидно,—сказалъ онъ,—партія начала опять свои дѣйствія». «Знайте,—сказала я,—что это не дѣйствіе партіи, а больше того, это взрывъ стихійнаго народнаго гнѣва; Санковскій и Мельниковъ совсѣмъ не принадлежатъ къ именамъ извѣстнымъ въ партіи. Для васъ это, конечно, еще хуже; вы видите, сколько бы вы ни боролись, а политическія условія создаютъ, невѣдомо откуда и какъ, все новыхъ и новыхъ мстителей». Добржинскій задумался; на этомъ разговоръ и оборвался. Въ тотъ же вечеръ за мною пришелъ жандармскій офицеръ и куда-то повезъ меня. Я знала, что это не въ другую тюрьму (я сидѣла еще при жандармскомъ правленіи) потому что въ тюрьму не перевозятъ безъ вещей, а мои вещи остались въ той же камерѣ. «Куда же везутъ меня?» съ изумленіемъ спрашивала я себя и не могла найти отвѣта. Офицеръ упрямо молчалъ и не внушалъ мнѣ довѣрія. Воображеніе подсказывало пытку.

Начальникъ жандармскаго управленія Судейкинъ. Офицеръ, провожавшій меня, былъ, какъ я потомъ узнала, Судейкинъ. Онъ и раньше нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ въ камеру, велъ разговоры о нелегальной литературѣ, которую онъ очень недурно зналъ, но которую понималъ вкривь и вкось, на что я ему нѣсколько разъ и указывала. Его внѣшность совсѣмъ не соотвѣтствовала тому представленію, которое раньше сложилось у меня по наслышкѣ. Высокій, стройный, еще молодой, онъ былъ полонъ энергіи и самоувѣренности. «Я не извергъ,—говорилъ онъ обыкновенно,—я по убѣжденію борюсь съ вами, революціонерами», и пытался обосновывать свои взгляды теоретически, но по моему очень слабо, что, кажется, замѣчалъ и онъ самъ. Онъ былъ чело-

вѣкомъ несомнѣнно умнымъ, но теоретичести не очень развитымъ. Можетъ быть, если бы я съ перваго раза знала, съ кѣмъ мнѣ приходится говорить, я бы отнеслась къ нему сурово, но я видѣла въ немъ просто жандармскаго офицера, а между ними, какъ это ни странно, я встрѣчала порядочныхъ людей, а не только тупыхъ закоренѣлыхъ изверговъ. Судейкинъ былъ человѣкомъ смѣлымъ и прямымъ, что заставляло забывать его мундиръ. Но въ ту минуту, какъ онъ везъ меня куда-то вечеромъ въ каретѣ, я смотрѣла на него подозрительно. Въ 1881 году о пыткахъ ходили слухи, говорили, что пытали Рысакова, Тимофея Михайлова и другихъ, но я почему-то безотчетно не вѣрила этимъ слухамъ, а теперь?... «Но куда же, куда везутъ меня?»... Сквозь замезшія стекла кареты я не узнавала улицъ. Переѣздъ былъ невеликъ, но я томилась невѣдѣніемъ, и онъ показался мнѣ длиненъ. Когда мы вышли изъ кареты, я увидѣла обширный дворъ, какого-то мнѣ незнакомаго зданія; но это ничего не говорило мнѣ. Впослѣдствіи я узнала, что это знаменитый домъ у цѣпного моста, гдѣ раньше помѣщалось Третье отдѣленіе, переименованное въ 1881 году въ Департаментъ государственной полиціи. Меня привели въ какую-то залу и оставили одну. Хоть бы уйти, мелькнула мысль—но куда, я зданія совсѣмъ не знала.

Директоръ Департамента государственной полиціи фонъ-Плеве. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ какой-то человѣкъ и ввелъ меня въ обширный дѣловой кабинетъ съ большимъ письменнымъ столомъ посрединѣ иклеенчатой мебелью. Изъ-за стола поднялся плотный представительный господинъ съ умнымъ, нѣсколько откинутымъ назадъ лбомъ и выразительными глазами. «Директоръ Департамента—Плеве», отрекомендовался онъ, протягивая мнѣ руку, и попросилъ сѣсть. Я сѣла и вопросительно посмотрѣла на него. «Простите, сказалъ онъ мнѣ, что я побезпокоилъ васъ, но я хочу предложить вамъ еще разъ то, что совѣтовалъ вамъ сдѣлать Добржинскій; напишите государю искреннее письмо, ваши чувства и мысли. Государь любитъ народъ и весь проникнутъ желаніемъ сдѣлать все возможное для блага его».—«Нѣтъ, въ моемъ положеніи писать государю я не могу», отвѣчала я, и онъ на минуту смолкъ, видя безполезность настаивать. Затѣмъ онъ, перемѣнивъ разговоръ, сталъ спрашивать, что говорятъ о завершившихся уже процессахъ. «Правда, насъ называютъ извергами, но зато никто не можетъ обвинить насъ въ судебныхъ ошибкахъ», говорилъ онъ. «Нѣтъ, вы ошибаетесь и ошибаетесь очень серьезно; вотъ хотя бы взять доктора Веймара,—сказала я,—онъ осужденъ за участіе въ Мезенцевскомъ дѣлѣ и въ дѣлѣ Соловьева, между тѣмъ ни въ томъ, ни въ другомъ онъ не участвовалъ. Лошадь «Варваръ» была куплена имъ за долго раньше для освобожденія Крапоткина, а револьверъ, которымъ стрѣлялъ Соловьевъ, купленъ былъ не для Соловьева, а значительно раньше для другого лица и для цѣли самозащиты». Это указаніе крайне взволно-

вало Плеве. «Неужели это такъ, неужели это такъ?» переспрашивалъ онъ. «Мнѣ нѣтъ нужды извращать вамъ истину, — сказала я, — тѣмъ болѣе, что докторъ Веймаръ уже осужденъ и мое указаніе судьбы его не измѣнитъ»... Плеве сообщилъ мнѣ дальше, что теперь Третьяго отдѣленія больше не будетъ, что дѣло политическихъ слѣдствій будетъ поставлено на строго законную почву и что это, по его мнѣнію, гарантируя отъ произвола, значительно успокоитъ общество; кромѣ того онъ увѣрялъ, что государь противъ смертныхъ казней, и что больше казней не будетъ. Это не было правдой; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ осужденъ Сухановъ и затѣмъ казненъ. Говоря о казняхъ, я замѣтила, что казни вредятъ самому правительству, создавая мученичество, а мученичество вызываетъ поклоненіе и невольное подражаніе. «Я смотрю на государственныхъ преступниковъ, какъ на честолюбцевъ,—замѣтилъ онъ на это,—неправда ли, вѣдь каждый мечталъ попасть трибуномъ въ парламентъ?»—«Я ни отъ кого этого не слыхала,—замѣтила я;—ну хорошо, если положимъ мужчины могутъ мечтать объ роли въ парламентѣ, а женщины, какъ вы думаете, мечтаютъ о томъ же?» спросила я. Плеве очень сконфузился и сказалъ, помолчавъ: «Ну женщины другое дѣло». И онъ смолкъ; мы простились, и меня опять отвезли въ жандармское управленіе. На другой день Добржинскій говоритъ мнѣ: «Я уполномоченъ сообщить вамъ, что мы можемъ освободить васъ на честное слово, если вы возьметесь переговорить съ партіей «Народной Воли» и узнать на какихъ пріемлемыхъ условіяхъ она можетъ пріостановить свои террористическія дѣйствія. Такъ напримѣръ, удовольствовалась ли бы она широкой амнистіей». Я отвѣчала, что врядъ ли, амнистія— цѣль только эгоистическая для партіи, она захочетъ навѣрно и какихъ-нибудь общихъ мѣръ, какъ свободы слова и собраній, дабы народъ могъ свободно высказать свои желанія. «Возьмитесь переговорить съ партіей; если требованія не будутъ чрезмѣрными, государь удовлетворитъ ихъ», сказалъ Добржинскій. На мои возраженія, что выйдя на честное слово и сносясь съ партіей, я могу сгубить ее, такъ какъ за мной могутъ слѣдить, Добржинскій сказалъ: «Ну, если вы этого боитесь, снеситесь съ партіей черезъ заграницу, поѣзжайте за границу». Я попросила подумать; я сейчасъ же рѣшила для себя, что въ виду моихъ нѣсколько натянутыхъ отношеній съ партіей, послѣ тихомировскаго инцидента съ программой партіи, лично мнѣ браться за это не слѣдуетъ, но я понимала, что изъ этихъ переговоровъ можетъ выйти очень благодѣтельный результатъ для изстрадавшейся родины нашей, и мнѣ страстно захотѣлось попытать все возможное. Я вспомнила, что одновременно почти со мной арестованъ Г. Романенко, что его отношенія къ партіи, какъ человѣка еще свѣжаго въ ней, совершенно нормальныя и потому рѣшила передать эту миссію ему; онъ былъ человѣкъ хорошо образованный и умный и, мнѣ казалось, тактичный. Я сообщила Добржинскому,

что его предложеніе гораздо легче выполнить мужчинѣ и потому я прошу дать мнѣ свиданіе безъ свидѣтелей съ Романенко и позволить переговорить съ нимъ. Свиданіе это мнѣ дали черезъ нѣсколько часовъ. Романенко былъ неимовѣрно удивленъ, но онъ слишкомъ хорошо зналъ меня и вѣрилъ мнѣ, чтобы сомнѣваться. Я второпяхъ передала ему сущность и условія порученія; я въ особенности указывала ему, что я не преувеличивала силу партіи, напротивъ, видя и безъ того сильный престижъ партіи я говорила, что партія сильна не числомъ, а идеей и въ особенности ничѣмъ не грозила отъ имени партіи. Только на такой почвѣ, казалось мнѣ, возможно было придти къ какому-нибудь благому результату; если бы напримѣръ кромѣ общей амнистіи дали бы свободу слова и собраній, это оздоровило бы нравственно страну и естественно привело бы впослѣдствіи къ политической свободѣ. Я говорила съ Романенко торопливо и волнуясь, было поздно, времени было немного. Не знаю, моя ли то вина, что я не умѣла объяснить суть моихъ разговоровъ съ Добржинскимъ и Плеве, или Романенко, какъ человѣкъ въ дѣятельности еще не очень опытный, слишкомъ рѣзко поставилъ большія требованія, или сталъ играть на угрозахъ, но переговоры сейчасъ же порвались и почему я не знаю; Добржинскій отвѣчалъ мнѣ уклончиво. Меня скоро увезли въ крѣпость и оттуда я написала письмо Сергѣю Кравчинскому, конечно не на его настоящее имя. Это удалось мнѣ сдѣлать потому, что при мнѣ нашли письма Сергѣя Кравчинскаго о моемъ ребенкѣ, гдѣ онъ увѣдомлялъ о его смерти и утѣшалъ меня. Письмо это онъ подписалъ «твой братъ Сергѣй». Такъ я и назвала его своимъ братомъ. Въ оффиціальномъ письмѣ я писала ему только о себѣ, но между строкъ при помощи крупинки одного химическаго вещества я написала ему о всѣхъ бывшихъ у меня переговорахъ въ надеждѣ, что, можетъ быть, они возобновятся и что-нибудь изъ нихъ выйдетъ. Я до сихъ поръ не знаю, прочелъ ли Сергѣй то, что было написано между строкъ химически: очень можетъ быть, что изъ тюрьмы онъ химическаго письма не ожидалъ и не догадался смочить его реактивомъ. Но на открытый текстъ я очень скоро получила отвѣтъ и получила отъ него на память итальянскій словарь, который я до сихъ поръ сохранила, несмотря на всѣ превратности моей дальнѣйшей судьбы.

Черезъ два года, уже въ Иркутскѣ, гдѣ я сидѣла проѣздомъ въ дальнѣйшую ссылку, куда, вопреки моему настойчивому требованію, меня отправили безъ суда, такъ какъ уже раньше я была осуждена и лишена всѣхъ правъ состоянія по процессу 50-ти, я получила отъ Сергѣя Кравчинскаго еще письмо и прекрасно засушеный букетъ эдельвейсовъ, какъ память о Швейцаріи, память о быломъ. Эдельвейсы были наклеены на черномъ картонѣ, рельефно выступая своими безжизненными бѣлоснѣжными головками, они казались мнѣ эмблемой смерти... Десять

лѣтъ спустя въ Лондонѣ, шагая въ разсѣянности черезъ полотно желѣзной дороги, мой бѣдный братъ Сергѣй погибъ раздавленный поѣздомъ, погибъ такъ ужасно, такъ безвременно. Могилы Перовской, Геси Гельфманъ, Кибальчича, Желябова и другихъ, погибшихъ на эшафотѣ, въ стѣнахъ Шлиссельбурга, центральной Харьковской тюрьмы и далекой Кары, стерты съ лица земли, но дѣла ихъ будутъ долго жить въ памяти народной, какъ и ихъ имена, стертыя когда-то съ могильныхъ крестовъ, будутъ запечатлѣны крупными буквами на страницахъ исторіи.

О. Любатовичъ-Джабадари.

Тифлисъ 30 марта 1906 г.